

Санкт-Петербургский государственный университет

АВЕРЬЯНОВА Дарья Владимировна

Выпускная квалификационная работа

Видовые различия в русской речи польских и чешских студентов

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5622 «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного»

Профиль «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного»

Научный руководитель:
профессор, Кафедра русского
языка,
Воейкова Мария Дмитриевна
Рецензент:
Доцент,
директор центра РКИ
факультета гуманитарных
наук НИИ ВШЭ (Москва),
Еремина Ольга Сергеевна

Санкт-Петербург
2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА	9
<i>1.1 История изучения славянского глагольного вида в отечественной и зарубежной лингвистике</i>	9
1.1.1 Русский глагольный вид. Противопоставление СВ и НСВ	11
1.1.2 Конкуренция и нейтрализация видов	14
1.1.3 Частные видовые значения	16
1.1.4 Перфективация и имперфективация	21
1.1.5 Двувидовые глаголы	22
1.1.6 Способы глагольного действия	23
<i>1.2. Потенциально опасные места при освоении аспектуально- темпорального комплекса русского языка</i>	28
1.2.1 Основополагающие различия аспектуально-темпорального комплекса русского и польского языков	28
1.2.2 Основополагающие различия аспектуально-темпорального комплекса русского и чешского языков	32
<i>1.3 Причины возникновения ошибок в русской речи носителей других языков и подходы к их объяснению</i>	34
1.3.1. Объяснение ошибок через понятие трансфера	34
1.3.2 Психолингвистическое объяснение ошибок, возникающих в условиях речевого дефицита	35
<i>1.4 Выводы</i>	37
2. СОПОСТАВЛЕНИЕ АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫХ ОШИБОК В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ПОЛЬСКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ ...	39
2.1 <i>Материалы и информанты</i>	39
2.2 <i>Ошибки в употреблении видовых форм в русской речи информантов</i> ..	42
2.2.1 Общая классификация ошибок	42
2.2.2 Вид глагола, обозначающего однократное действие	43
2.2.3 Вид глагола в контексте отрицания	47
2.2.4 Вид глагола в контексте континуального действия	50

2.2.5 Вид глагола в контексте многократного действия	55
2.2.6 Вид глагола в контексте настоящего исторического	57
2.2.7 Глагольное словообразование	60
2.2.8 Особенности образования форм действительного причастия прошедшего времени	62
2.2.9 Конструкция типа «буду + гл. НСВ прошедшего времени»	63
2.2.10 Ошибки, встретившиеся в минимальном количестве	65
2.3 <i>Выводы</i>	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	71
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	75

ВВЕДЕНИЕ

Освоение категории вида, тесно связанной с реализацией семантических функций, в процессе изучения русского языка как иностранного оказывается одной из наиболее сложных тем, о чем говорят и часто возникающие ошибки, связанные с выбором видовременных форм глаголов. Семантический потенциал совершенного и несовершенного вида в русском языке очень богат, поэтому, как правило, трудности вызывает непосредственно различение частных видовых значений и осознание особенностей их функционирования.

Данные вопросы уже долгое время интересуют многих лингвистов (Маслов, 1984; Бондарко 1971, 1987; Рассудова 1968, 1975; Падучева 2010; Грובה, Чуйкова 2020; Климонов 2020 и др.). Особый интерес для нашей работы представляют сопоставительные исследования, основанные на сравнении видовых значений и их грамматических выражений в разных славянских языках (Маслов 1959; Ройзензон 1963; Широкова 1963; Петрухина 1983, 1998, 2000; Dickey 2000; Аркадьев 2007; Лазинский 2020; Милякович 2020 и др.)

В актуальности изучения проблематики освоения русского глагольного вида носителями других славянских языков в наши дни не приходится сомневаться. Во-первых, необходимо отметить рост популярности русского языка в последние годы в таких славянских странах, как Польша и Чехия. Русский язык в Польше — один из трёх основных иностранных языков, изучаемых наряду с английским и немецким. За последнее десятилетие в Польше значительно вырос процент желающих записаться на курсы русского языка, а также с каждым годом увеличивается конкурс абитуриентов, поступающих на отделение русской филологии в разных университетах страны. В январе 2011 г. власти Варшавы даже установили в варшавском метрополитене плакаты, помогающие запомнить самые распространённые русские слова. Примерно аналогичную ситуацию мы наблюдаем в Чехии. С тех пор, как в 2013 году в Чехии выбор второго иностранного языка в

начальных классах школ стал обязательным, русский язык начали изучать почти в два раза больше учеников. Во-вторых, несмотря на то, что и польский, и чешский языки являются, как и русский, славянскими, грамматический строй этих языков имеет свои особенности, которые могут повлечь за собой ошибки при изучении русского языка в качестве иностранного.

Цель исследования состоит в выявлении и сопоставлении характера и причин возникновения в устной и письменной речи польских и чешских студентов грамматических ошибок, возникающих при изучении русского языка как иностранного и связанных с употреблением видовременных форм глаголов.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

1. Проанализировать результаты исследований, посвященных особенностям употребления русского вида и их сопоставлению с функционированием категории вида в других славянских языках.

2. Определить потенциально опасные для носителей польского и чешского языков контексты употребления аспектуальных форм русского глагола.

3. В устной и письменной речи польских и чешских студентов выявить все ошибки, связанные с употреблением видовременных форм глаголов.

4. На основе проанализированной научной литературы и полученного материала произвести подробную классификацию видовых значений и определить, какие из них вызывают наибольшие трудности у каждой из групп информантов.

5. Сопоставить причины возникновения такого рода грамматических ошибок в речи информантов этих двух групп.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что в речи информантов с родным польским языком ожидается меньшее количество ошибок в употреблении видо-временных форм глаголов, обусловленных

межъязыковой интерференцией, чем у носителей чешского языка, поскольку польский язык имеет больше схожих с русским средств выражения семантики глагольного вида, нежели чешский язык.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В ходе выявления наиболее проблемных вопросов, связанных с освоением русского глагольного вида носителями других славянских языков, представляется возможным выделить общие контексты, на которые необходимо обращать внимание в первую очередь. В речи польских и чешских студентов превалируют ошибки в контексте отрицания, однократного, континуального и многократного действия.

2. Родство польского и чешского языков с русским и наличие в них схожей аспектуальной системы позволяет предположить, что освоение русского глагольного вида носителями этих языков происходит не столько путем усвоения правил, сколько путем осмысления и интерпретации тех или иных действий, выраженных глаголами, и условий их протекания. Из этой особенности вытекает следующее положение.

3. В процессе обучения носителей других славянских языков русскому глагольному виду очень важно опираться на возможные контексты реализации их семантики. Речь идет о том, что важны не столько формальные показатели и маркеры, подсказывающие ту или иную форму вида, сколько ситуации, в которых то или иное частное значение вида реализуется, и их интерпретация носителями русского языка. На это указывает, например, тот факт, что носители польского и чешского языков при продуцировании речи на русском языке могут игнорировать темпоральные маркеры (например, лексические сигналы 'часто', 'иногда' 'никогда'), подсказывающие видо-временную форму глагола, и допускать ошибки по той причине, что иначе интерпретируют семантику глагольного действия в конкретной ситуации.

Объектом настоящего исследования являются собственно грамматические ошибки, связанные с употреблением видо-временных форм

глаголов, как в устной, так и в письменной речи польских и чешских студентов, изучающих русский язык. Предмет исследования – ареальные особенности осознания видовых различий этими студентами.

Методы сбора материала: инструментальный (фиксация устного опроса информантов на диктофон), метод скрытой записи, анкетирование и интервьюирование студентов. В ходе работы используются такие методы исследования, как сплошная выборка из устной и письменной речи, классификация, обобщение при помощи количественных подсчетов, анализ и сопоставление. Анализ и сопоставлению подвергаются сами грамматические ошибки. При этом определяется, с какими частными значениями вида они связаны, а также каковы причины их возникновения (межъязыковая интерференция, внутриязыковые факторы). После этого грамматические нарушения в речи двух групп информантов сопоставляются между собой с целью разделения функций русского вида на те, которые вызывают общие затруднения у обеих групп информантов, и те, особенности которых оказываются наиболее сложными для осознания информантами одной из групп.

В большинстве существующих исследований на данную тему, как правило, проводилось теоретическое сопоставление особенностей выражения частных видовых значений в разных славянских языках. Научная новизна нашей работы заключается в подробном сопоставлении и классификации ошибок в речи славян, изучающих русский язык как иностранный, с учетом аспектуальных различий глаголов в русском, польском и чешском языках.

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении аспектуальных значений русского глагола, вызывающих наибольшие затруднения в процессе освоения русского языка студентами с родными польским и чешским языками. Практическая значимость состоит в возможности применения данных исследований для усовершенствования методик преподавания русского языка как иностранного для говорящих на польском и чешском языках, а также для уточнения основных особенностей

функционирования русской видо-временной системы в описании современного русского языка.

Структура работы: введение, теоретическая и практическая части, заключение, список использованной научной литературы.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

1.1 История изучения славянского глагольного вида в отечественной и зарубежной лингвистике

Изучению славянского глагольного вида в настоящий момент посвящено уже немало исследований отечественных и зарубежных лингвистов. «Основы учения о славянском глагольном виде закладываются у ранних чешских грамматиков, особенно у Бенедикта Нудожерского (1555—1615) и Яна Вацлава Росы (ок. 1620—1689), а позже получают новое развитие в начале XIX в. в трудах ряда авторов в разных странах, но наиболее четко — у словенца Варфоломея (Ернея) Копитара (1780—1844)» (Маслов 2004, 525).

Первая попытка описания функционирования данной грамматической категории на материале русского языка была предпринята еще в XIX веке А. Х. Востоковым (Востоков 1831) и А. А. Потебней (Потебня 1877), однако их представление о глагольном виде еще сильно отличались от современных достижений в области аспектологии. Так, А. Х. Востоков выделял три вида: совершенный, неокончательный и многократный. В свою очередь А. А. Потебня, рассуждая о степенях длительности протекания действий, отмечал, что они не всегда зависят от «совершенности» или «несовершенности» действий.

В целом же аспектология «может быть определена как отрасль науки о грамматическом строе и грамматической семантике языка, изучающая категорию глагольного вида (в международной терминологии «аспекта») и, шире, всю «сферу аспектуальности», — обширную область языка, включающую помимо вида различные другие явления, сходные или смежные с видом в содержательном, функционально-семантическом отношении» (Маслов 2004: 23). Таким образом, аспектологи занимаются целым комплексом проблем, связанных с изучением различных средств языка (лексических, морфологических, синтаксических и словообразовательных),

формирующих целый набор способов передачи характера протекания действия в языке.

Во введении к своей монографии «Проблемы русского вида» И. Б. Шатуновский (Шатуновский 2009) выделяет три основных проблемы, с которыми сталкиваются современные аспектологи:

1. тенденция к образованию трехчленной видовой структуры на месте привычной двухчленной, что обусловлено развитием вторичной имперфективации (Петрухина 2000; Ремчукова 2004);

2. рост числа двувидовых глаголов в системе русского языка;

3. тот факт, что «картина мира в русском языке представлена прежде всего через призму видовой системы», а значит и исследования в данной области требуют большего внимания к процессу осознания категории вида носителями языка, а не только к ее формальным лексико-грамматическим показателям.

В дальнейших исследованиях в области глагольного вида можно выделить несколько подходов в зависимости от того, как в тех или иных работах представлено толкование семантики граммем вида. Е. В. Петрухина различает четыре таких подхода (Петрухина 2009: 51-58):

1. Признаковый подход (см. работы Ю. С. Маслова, В. В. Виноградова, А. В. Бондарко). Цель данного подхода состоит в определении категориального значения каждого глагольного вида. На основе этого ряд исследователей предпринимает попытки описать возможности лексической сочетаемости глаголов. Так, например, интерпретация значения глагола совершенного вида как «целостного, неделимого действия» накладывает ограничения на их употребление с фазовыми глаголами «начинать», «становиться», «продолжать», «заканчивать».

2. Толковательный подход (см. работы А. Вежбицкой, М. Я. Гловинской). «Метод толкований, которым широко пользуется современная семантика, был впервые блистательно применен к описанию семантики вида Анной Вежбицкой» (Падучева 2010: 4). Суть данного метода

заключается в том, чтобы отдельно давать толкование каждому глаголу внутри видовой пары и сопоставлять эти толкования между собой. То, что при сопоставлении, окажется общим для обоих глаголов, необходимо считать их лексическим значением, а то, что будет различаться, – частными видовыми значениями.

3. Таксономический подход (см. работы Е. В. Падучевой). Данный подход строится на отнесении глаголов к той или иной таксономической категории, т.е. к категории «действия, состояния, процесса, происшествия» (Падучева 2010: 103). Отнесение глаголов к одной из таксономических категорий, во-первых, во многом определяет возможности их лексической сочетаемости, связанные с тем общим элементом лексического значения этих глаголов, который обуславливает их включение в данную категорию. Во-вторых, как отмечает Е. В. Падучева, таксономические категории зачастую помогают предсказать наличие или отсутствие у глагола видовой пары.

4. Текстовый подход (см. работы Г. А. Золотовой, J. Fontaine). Сторонники этого подхода указывают на тесную связь семантики глагольного вида с коммуникативными типами речи. Т.е. на формирование значения вида глагола влияет не только семантика самого глагола, но и иные языковые средства, используемые для создания структуры текста.

При этом все вышеперечисленные подходы не противоречат друг другу, а скорее дополняют.

Для того чтобы понять, в какой степени данные проблемы могут отразиться в нашем сопоставительном исследовании, необходимо отдельно описать аспектуальную систему каждого из интересующих нас языков, т.е. русского, польского и чешского.

1.1.1 Русский глагольный вид. Противопоставление СВ и НСВ

Категорией вида обладает любой глагол в русском языке. В Русской грамматике 1980 года под редакцией Н. Ю. Шведовой дается следующее определение данной категории: «это система противопоставленных друг другу двух рядов форм глаголов: ряда форм глаголов, обозначающих

ограниченное предельное целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного предельного целостного действия (глаголы несовершенного вида)». (РГ-80: 581) Именно на сопоставлении совершенного и несовершенного видов глагола и строится большая часть аспектуальных исследований.

В русском языке СВ и НСВ противопоставляются друг другу по номинативным элементам значения. Так, Маслов на основе противопоставлений видовых пар вывел следующие значения функций НСВ и СВ соответственно (Маслов 2004: 72):

1. процесс протекания действия – целостное действие, факт (спускался – спустился);
2. попытка достижения результата – успешное достижение результата (умирал, но не умер);
3. неопределенная длительность протекания действия – ограниченная длительность протекания действия (ощущал – ощутил);
4. многократное действие – единичное действие (все время спрашивал – спросил);
5. действие, не имеющее определенных условий протекания – конкретное действие (встречал (в значении «когда-нибудь») – встретил (в конкретной ситуации)).

Стоит отметить, что данный список противопоставлений не является исчерпывающим, а каждая отдельно взятая видовая пара может выражать разные значения в зависимости от контекста. Таким образом, «сложность определения семантического содержания видовых противопоставлений проистекает из: а) множественности оснований для противопоставления и б) влияния контекста» (Милославский 1981: 159).

Саму оппозицию СВ – НСВ в практике аспектологии принято называть привативной (Маслов 2004; Милославский 1981; Гловинская 1982; Храковский 2002; Шатуновский 2009). При этом для СВ значение действия, достигшего «предела в своем развитии или передаваемое как целостный факт

вне развития» (Рассудова 1982), становится в данной оппозиции категориальным, а остальные значения - частными. В то время как для НСВ значение «указание на действие как на процесс», по мнению большинства исследователей, «положительным», или категориальным, являться не может, так как НСВ оказывается в слабой позиции и данное значение не выступает во всех противопоставлениях как инвариантное номинативное значение (Милославский 1981: 164). Таковым же не может являться и значение НСВ как «повторяющегося действия». Данную точку зрения не разделяет лишь небольшое количество ученых. Например, И. П. Мучник (Мучник 1971) считает данную оппозицию эквиполентной и отмечает, что оба глагольных вида имеют свое положительное значение.

Однако вывести самую общую семантику каждого глагольного вида все же представляется возможным. Так, например М. Я. Гловинская, рассматривая типы противопоставления совершенного и несовершенного видов, попыталась выделить инвариантные значения не для каждого вида в целом, а внутри их основных частных значений (Гловинская 1982: 105-108). При этом она основывается на разных ситуациях употребления глаголов совершенного вида, обозначающих «точечное», непротяженное во времени действие, и глаголов актуально-длительного несовершенного вида, обозначающих длящееся во времени действие. На основе анализа такого противопоставления СВ и НСВ М. Я. Гловинская приходит к выводу, что оно «сводится к противопоставлению смыслов 'начать' = 'в какой-то момент времени не существовать, в один из последующих моментов существовать' – 'существовать в каждый из ряда последовательных моментов'» (Гловинская 1982: 107).

Таким образом, оппозиция видов славянского глагола имеет очень сложное семантическое устройство. Ряд исследователей (Храковский 2002; Вубее 1994) склоняются к тому, что вообще нет смысла пытаться найти общие значения СВ и НСВ, т.к. их реальная семантика кроется в наборе отдельных аспектуальных значений, о которых мы будем говорить позже (см.

параграф). В свою очередь «простота формального устройства» данной оппозиции оказывается обманчива (Храковский 2002: 93).

1.1.2 Конкуренция и нейтрализация видов

Понятие «конкуренция видов» напрямую связано с взаимозаменяемостью глаголов совершенного и несовершенного вида при обозначении законченного действия в прошлом. В русском языке такая замена возможна, но в большинстве случаев она либо приводит к возникновению ошибки, либо вообще полностью меняет смысл высказывания. Видовые пары, состоящие из взаимозаменяемых глаголов, безусловно, встречаются, но их очень мало. Так, например, И. Г. Милославский, выделяет следующие видовые пары конкурирующих в определенных контекстах глаголов: “*говорить – сказать*” (он говорил/сказал об этом), “*писать – написать*” (он писал/написал об этом в своей статье), “*предупредить – предупредить*” (я предупредил/предупреждал его) и т.д. (Милославский 1981: 166)

Однако даже в этих высказываниях можно обнаружить различные семантические оттенки глаголов. Возьмем, например видовую пару глаголов “*предупредил – предупредил*”. Безусловно, оба этих глагола указывают на уже совершенное целостное действие, не имеющее протяженности во времени. Однако если для высказывания «*Я предупредил его*» важен сам факт того, что предупреждение было сделано, и при этом вполне возможно, что адресатом, получившим его, оно будет учтено, то интенцией высказывания «*Я предупредил его*» вероятнее всего является оценка неблагоприятных обстоятельств, которые повлекло за собой игнорирование данного предупреждения.

Наименее оспоримы в отношении синонимичности контексты, включающие вопросы следующего типа: «*Где ты купила/покупала эту сумку?*» Однако если за вопросом следует предложение, указывающее на неблагоприятный результат, то, как правило, в вопросе используются глаголы только несовершенного вида, ср.: «*Кто записывал лекцию*

профессора Петрова? Мне кажется, в записях много неточностей» (Петрухина 2009: 69). Кроме того, замена форм СВ и НСВ не может быть осуществлена в контексте с указанием на «результат действия или какую-либо иную его конкретизацию» (там же: 69), ср.: *Я не сразу почувствовал в этом обман.*

Особый интерес представляют предложения, содержащие отрицание, т.к. при отрицаниях форма глагола НСВ перестает осознаваться как четкое указание на действие, протекающее во времени, и воспринимается лишь как одноразовый акт с возможным дополнительным оттенком длительности. Ср.: *Они все еще ничего не предпринимали.* Как отмечает О. П. Рассудова, «оттенок длительности остается выраженным, но не глагольной формой, а контекстом и ситуацией» (Рассудова 1982: 68). В таких случаях опять же допускается свободное употребление обоих видов глагола, если этому не препятствуют нормы лексической сочетаемости русского языка (например, отрицание “никогда не” не может употребляться вместе с глаголом СВ).

От понятия «конкуренция видов», подразумевающего хоть и синонимичное использование форм СВ и НСВ, но все же с сохранением возможности различной интерпретации оттенков значений, следует отличать понятие «нейтрализация видов». Под нейтрализацией видов принято понимать такое отношение форм СВ и НСВ к категориальному признаку предельности действия, при котором «оба члена видового противопоставления его выражают – СВ эксплицитно, НСВ имплицитно, поэтому противопоставление видов с точки зрения этого признака нерелевантно» (Петрухина: URL: http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/petrukhina-ev_8_diskussionnie_voprosi_gladr.pdf).

Так, например, ситуация нейтрализации видов возникает в случае, если глагол НСВ, обозначая повторяющиеся действия и указывая при этом на их завершенность и результативность, что свойственно обычно для СВ, даже не может быть заменен на форму СВ за счет определенных контекстуальных показателей. Ср.: *Эта благотворительная акция проводится каждый год.*

Ряд исследований предлагает также рассматривать в качестве нейтрализации видов использование презентных форм глаголов НСВ при построении повествования в настоящем историческом времени (Маслов 2004, Бондарко 1971). В этом случае НСВ приобретает переносное значение, т.к. грамматическая форма, по сути, противоречит контексту. Глаголы, по форме указывающие на актуально-длительное значение НСВ в настоящем, в контексте настоящего исторического на самом деле указывают на завершённые действия в прошлом.

1.1.3 Частные видовые значения

Невозможность выделить однозначное категориальное значение каждого вида в русском языке определила ход развития дальнейших исследований в области семантики глагольного вида, направив их в сторону описания частных значений СВ и НСВ, являющихся «вариантами общего семантического содержания видовых форм» (Бондарко 1971: 21). Однако и в этом вопросе исследователи не сходятся в едином мнении, выделяя разные частные видовые значения. Рассмотрим подробнее дополняющие друг друга классификации, разработанные в данном направлении.

Так, А. В. Бондарко в своей монографии «Вид и время русского глагола (значение и употребление)», опираясь, в том числе, на исследования вида в болгарском языке Ю. С. Маслова (Маслов 1959), выделяет следующие частные значения СВ (Бондарко 1971: 22-24):

1) *Конкретно-фактическое*. Это основное и самое употребительное значение СВ, которое почти не зависит от контекста и обозначает единичное целостное действие, способствующее смене ситуации. Это значение может выражаться всеми глаголами, имеющими форму СВ. Например: *Приеду завтра. Вчера мы посмотрели новый фильм.*

Среди периферийных значений СВ А. В. Бондарко выделяет:

2) *Наглядно-примерное*. Обозначает одно из выделенных среди множества привычных повторяющихся действий, то есть действие, в котором

«представляется один конкретный факт в его целостности» (там же: 22).
Например: *Бывает, задумаешься о своем и пропустишь что-то важное.*

3) *Потенциальное*. Данное значение в наибольшей степени зависит от контекста и близко к наглядно-примерному значению, но содержит дополнительный оттенок потенциальности при обозначении возможности или невозможности совершения того или иного действия в неопределенный момент времени. Например: *Шкаф такой тяжелый, что его не подвинуть (=невозможно подвинуть). Он такой странный – любого удивит (= может удивить).*

4) *Суммарное*. В сочетании с лексическими единицами, указывающими на то, что действие совершается ограниченное количество раз, обозначает совокупность конкретных фактов. Например: *Он переспросил об этом раз десять.*

В свою очередь в семантике НСВ А. В. Бондарко выделяет следующие частные значения НСВ (там же: 24-31):

1) *Конкретно-процессное* или *актуально-длительное* (Рассудова 1982: 14) значение противопоставляется конкретно-фактическому значению СВ и обозначает конкретное действие в процессе его протекания, ограниченное определенным временным отрезком. В этом значении А. В. Бондарко изначально выделяет две контекстных разновидности:

- *Подчеркнуто-длительное* значение выражается при помощи повторения глаголов или использования сочетаний типа *целый день, долго* и т.д. Например: *Весь день я размышлял над этим вопросом. Он все сидел и сидел на одном месте.*
- *Конативное* значение выражает попытку достижения цели. Например: *Он убеждал меня в своей правоте, но так и не убедил.*

2) *Неограниченно-кратное*. Обозначает действие, повторяемое неограниченное количество раз. Например: *Я часто возвращаюсь туда.* Данное значение может также иметь дополнительный наглядно-примерный оттенок, возникающий в том случае, когда «повторяющиеся представлены

как бы на примере одного эпизода» (Бондарко 1971: 28). Часто глагол НСВ с таким значением употребляется вместе с глаголом СВ в наглядно-примерном значении. Например: *Так уж заведено, что окажется кто-то в беде, а остальные от него отворачиваются.*

3) *Обобщенно-фактическое.* Указывает на наличие или отсутствие действия как такового, независимо от того, однократное оно или многократное, длительное или моментальное. Например: *Он мне никогда не звонил.*

4) *Постоянно-непрерывное.* Обозначает постоянное непрерывное действие. Например: *Волга впадает в Каспийское море.* Ю. С. Маслов относит данное значение к одной из модификаций процессного значения (Маслов 2004: 99).

5) *Потенциально-качественное.* Обозначает «потенциальную возможность осуществления действия как свойство субъекта» (там же: 30) без выражения его целостности, как это происходит в потенциальном значении СВ. Например: *Ты говоришь по-английски (= умеешь говорить по-английски)?*

б) *Ограниченно-кратное.* Данное значение по своей семантике схоже с суммарным значением СВ, однако, в отличие от него, обозначает не совокупность фактов, а определенное количество конкретных повторяющихся нейтральных действий. Например: *Я дважды спрашивал тебя об этом.*

В более поздних работах А. В. Бондарко выделяет еще два частных значения НСВ: реляционное и нейтральное (Бондарко 2002: 383). Реляционное (относительное) значение (например: *Вас этот вопрос тоже касается*) реализуется в основном за счет лексических средств и может выражать две ситуации (там же: 396):

- акциональную, обозначающую уже начатыми и продолжающимися действиями;

- статальную, передающую состояние в конкретно обозначенный период времени.

Нейтральное же значение выражается действиями, в которых отсутствует какое-либо указание на их кратность или длительность. Например: *Он мне не доверяет.*

Однако данный перечень частных видовых значений не является исчерпывающим. Так, например, М. Я. Гловинская выделяет также «узואальное: Нынче взятки не берут (М. Зощенко)» (Гловинская 1982: 14) и *настоящее историческое* частные значения НСВ.

В Русской грамматике 1980 года под редакцией Н. Ю. Шведовой выделяется также перфектное значение СВ. Например: *Вы изменились.* Об этом значении СВ у глаголов прошедшего времени пишет также О. П. Рассудова, говоря о том, что оно «указывает на сохранение в момент речи результата действия, имевшего место в прошлом» (Рассудова 1982: 46).

Исследуя иерархию частных видовых СВ значений в русском языке, Ю. П. Князев отмечает их «радиальную структуру», в центре которой находится главное (конкретно-фактическое) значение, а потенциальное и наглядно-примерное, как отмечалось и в предыдущих исследованиях, являются второстепенными значениями (Князев 2007: 61). Суммарное значение в данной иерархии не упоминается.

В свою очередь частные значения русского НСВ в связи с отсутствием их однозначной классификации Ю. П. Князев предлагает развести по трем основным группам в зависимости от того, для обозначения какой ситуации то или иное значение может быть использовано (там же: 61-62):

1) Единичная континуальная ситуация, представленная актуально-длительным, реляционным и нейтральным употреблениями НСВ. На этой же ситуации основывается и использование глаголов НСВ в контексте настоящего-исторического времени.

2) Итеративная длящаяся ситуация, которая может выражаться глаголами, обозначающими привычные действия или состояния.

3) Завершенная ситуация, представленная общефактическим, ограниченно-кратным и ограниченно-длительным значениями.

Е. В. Петрухина выделяет всего 4 основных значений русского НСВ (процессное, неограниченно-кратное, ограниченно-кратное, общефактическое), но приводит более подробную классификацию их модификаций. Так, к группе общефактических значений она, во-первых, относит выделенное в РГ-80 перфектное значение, а во-вторых, еще 3 возможных подтипа данного значения (Петрухина 2009: 66-67):

- *Общефактическое предельное* значение, которое может быть выражено как однократным, так и многократным терминативным, то есть продолжавшимся какое-то время, и закончившимся действием (например: *Мы когда-нибудь встречались?*). При этом в будущем времени семантика такого рода действия может быть связана с намерением (например: *Вы будете брать этот товар?*)
- *Общефактическое аннулированного результата* – общефактическое *двунаправленное* в терминологии Е. В. Падучевой (Падучева 2010: 10), которое может быть выражено через «завершенное действие в прошлом, результат которого не сохранился до момента речи» (Петрухина 2009: 66). Например: *Я спрашивала его об этом, но он почему-то не помнит.*
- Вслед за Е. В. Падучевой Е. В. Петрухина выделяет также *общефактическое непредельное* значение как «значение прекратившегося состояния или непредельного процесса» (Падучева 2010: 10). Например: *Раньше на этом месте стоял большой шкаф.*

Кроме того, к неограниченно-кратным значениям Е. В. Петрухина относит все виды действия, связанные с семантикой потенциальности, выделяя потенциально-узуальное, схожее с постоянно-непрерывным у А. В. Бондарко, и потенциально-качественное значения.

Даже перечисленные выше работы вряд ли позволят составить исчерпывающий перечень возможных вариаций частных значений русского

глагольного вида. Однако стоит также упомянуть текстовый подход Г. А. Золотовой, в рамках которого рассматривается не столько семантика вида, сколько его функции. Так, согласно ее наблюдениям, аористивную функцию выполняют «глаголы динамического действия», которые «последовательно сменяя друг друга, ведут сюжет от завязки к развязке» (Золотова 2004: 27). Перфективная же функция является отражением результативного состояния, к которому приводит предшествующее действие. Обе эти функции выполняют глаголы совершенного вида. Третью функцию, которую выделяет Г. А. Золотова, – имперфективно-процессуальную – выполняют глаголы несовершенного вида, выражая континуальное и неограниченное временными рамками состояние или действие. И, наконец, в имперфективной узואльно-характеризующей функции, связанной также с семантикой НСВ, «говорящий с дистанцированной во времени и пространстве позиции представляет действия, состояния и отношения как обычные занятия, умения, характеристики» (там же).

Таким образом, система частных значений русского глагольного вида представляет собой сложноорганизованную структуру, описание которой осуществляется с разных подходов, а их классификация до сих пор остается дискуссионным вопросом.

1.1.4 Перфективация и имперфективация

Поскольку, основываясь на одном лишь морфемном составе глаголов, зачастую невозможно точно определить их видовую принадлежность, П. М. Аркадьев отмечает, что отнесенность к тому или иному виду обусловлена, прежде всего, «словообразовательной историей глагола», то есть тем, «какая из образующих его морфем присоединилась последней» (Аркадьев 2010: 3). Таким образом, процесс образования видовой пары оказывается тесно связан с понятиями «перфективации» и «имперфективации», то есть с возможностью образования глаголов СВ от глаголов НСВ (*писать – написать*) и наоборот (*дать – давать*).

Данные процессы также характеризуются рядом особенностей и дискуссионных вопросов. Во-первых, говоря о перфективации, ученые расходятся во мнении, считать ли чистовидовыми некоторые префиксы, используемые для образования глаголов СВ, или же можно говорить о том, что они, помимо осуществления перфективации, всегда привносят в семантику глагола дополнительный оттенок значения.

Во-вторых, специфичной представляется перфективация глаголов движения, на которые не распространяются закономерности использования тех или иных морфем для перфективации глаголов других групп. И. Г. Милославский выделяет 17 таких пар глаголов: «1) *бежать* – *бегать*; 2) *везти* – *возить*; 3) *вести* – *водить*; 4) *гнать* – *гонять*; 5) *гнаться* – *гоняться*; 6) *ехать* – *ездить*; 7) *идти* – *ходить*; 8) *катить* – *катать*; 9) *катиться* – *кататься*; 10) *лезть* – *лазить*; 11) *лететь* – *летать*; 12) *нести* – *носить*; 13) *нестись* – *носиться*; 14) *плыть* – *плавать*; 15) *ползти* – *ползать*; 16) *тащить* – *таскать*; 17) *тащиться* – *таскаться*» (Милославский 1981: 171), и отмечает, что по отношению к этим глаголам «налицо явное “исключение из правил” об имперфектирующей роли суффиксов и перфектирующей роли префиксов» (там же: 172).

В-третьих, в русском языке выделяются так называемые непроцессные имперфективы, или, согласно терминологии С. Т. Иванчева, «семантические перфективы» (Иванчев 1971), которые не могут обозначать актуальный процесс, но при этом представлены глаголами НСВ.

Кроме того, система русского видообразования включает в себя не только видовые пары, но и видовые тройки, образованные путем вторичной имперфективации (*есть* – *съесть* – *съедасть*) (см. подробнее у Петрухиной 2000: 89-100).

1.1.5 Двувидовые глаголы

Еще одну сложность в описании видовой системы русского языка представляют собой двувидовые глаголы, совмещающие в одной форме семантику как СВ, так и НСВ (*казнить, обещать, использовать* и т.д.) При этом видовые основы (ВО) двувидовых глаголов, как отмечает Ю. С. Маслов, можно «условно подразделить на преимущественно перфективные, преимущественно имперфективные и такие, в которых совершенное и несовершенное видовое значение представлено приблизительно в равной мере» (Маслов 2004: 114-115).

Конкретное видовое значение такие глаголы приобретают только за счет конситуации или определенного лингвистического контекста. Наряду с этим встречаются и такие формы двувидовых глаголов, которые упрощают задачу определения их видового значения. Так, отнести двувидовой глагол к несовершенному можно в том случае, если он «выступает в форме буд. сложного (буду обследовать, буду реагировать), причастия наст. вр. (действит.: обследующий, реагирующий; страдат.: госпитализируемый, обследуемый) или деепричастия с суф. -а- (реагируя, обследуя)» или используется в сочетании с фазовыми глаголами (РГ-80: 589-590).

В целом, как уже было отмечено, освоение специфики двувидовых глаголов, особенно для иностранцев, является одной из самых непростых задач, тем более что в некоторых случаях вид такого глагола не помогает определить ни контекст, ни собственно его форма.

1.1.6 Способы глагольного действия

Не менее важно для интерпретации глагольного вида в русском языке рассмотреть такую категорию глагола, как способ глагольного действия. В Русской грамматике 1980 года под редакцией Н. Ю. Шведовой данное понятие определяется следующим образом: «С п о с о б ы г л а г о л ь н о г о д е й с т в и я — это такие семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально результативных характеристик» (РГ-80: 594).

Анализ способов глагольного действия также представлены в работах разных исследователей, однако мы будем опираться на классификацию, разработанную в РГ-80 (таблица 1).

Таблица 1 – Способы глагольного действия¹

Группа	Тип способа действия	Значение, разновидности и способы их выражения
Временные способы действия	Начинательный (преобладает СВ)	1) Приступ к дальнейшему длительному действию (<i>запеть, заговорить, заулыбаться</i>). Формант – префикс за-. 2) Формантами являются префиксы: по- (<i>поехать</i>), вз- с оттенком экспрессивности (<i>взволновать</i>), воз- (<i>возненавидеть</i>), раз- + постфикс –ся (<i>рассмеяться</i>)
	Ограничительный (СВ)	Действие, ограниченное определенным временным отрезком. Формант – префикс по- (<i>постучать, побегать</i>).
	Длительно-ограничительный (СВ)	Окончание продолжавшегося, как правило, короткий срок действия. Форманты – префиксы: про- (<i>прождать весь день</i>), пере- (<i>переночевать</i>).
	Финитивный (и СВ, и НСВ, но СВ преобладает)	Действие остановлено, но не исчерпано. Только непереходные глаголы. Форманты: префикс от- (<i>отцвести</i>) или префикс от- + постфикс -ся (<i>отмолчаться</i>).
	Однократный (СВ)	Однократное мгновенное действие. Форманты: – суфф. –ну (<i>крикнуть</i>), суфф. –ану- (<i>психануть</i>), префикс с- (<i>сглупить</i>).

¹ Таблица разработана на основе РГ-80: 595-602. Большая часть примеров взята отсюда же.

Количественно-временные способы действия	Уменьшительно-ласкательный	<p>1) Уменьшительная (небольшая интенсивность действия, протекающая в течение короткого временного промежутка). Форманты: префиксы вз-, с-, при + суфф. –ну- (<i>сболтнуть, всплакнуть</i>).</p> <p>2) Смягчительная (выражается оттенок ослабленности или неполноты). Форманты – префиксы: по- (<i>попить</i>), под- (<i>подрасти</i>), при-/пере- (<i>приглушить/перекусить</i>).</p>
	Множественный	Представлен ограниченным количеством основ глаголов НСВ со значением неоднаправленного движения, восприятия, речи, конкретного физического действия и т.д. Форманты: суфф. –ива-/-ва-/-а- (<i>сизживать, видывать</i>).
	Прерывисто-смягчительный	Континуально-прерывистое действие. Основа гл. НСВ + префикс по- + суфф. –ива-/-ва-/-а- (<i>поглядывать</i>).
	Длительно-смягчительный	Основа гл. НСВ + суфф. –ива-/-ва- и префиксы по-, при, под-, пере-, на- (<i>помалкивать, насвистывать</i>).
	Длительно-дистрибутивный	Продолжительное занятие чем-либо. Гл. НСВ + преф. раз- и суфф. –ива-/-ва- (<i>раздумывать</i>).
	Сопроводительный	Ослабленное действие сопровождает другое. Гл. НСВ + преф. при-, под- и суфф. –ива-/-ва- (<i>подпевать</i>).
	Интенсивно-кратный	Усиленное действие с частичным повторением компонентов. Гл. НСВ + преф. вы-, от-, на-, за- и суфф. –ива-/-ва-

		(приговаривать)..
	Множественно-дистрибутивно-взаимный	Ряд действий, осуществленных несколькими субъектами. Формант: преф. пере-, постфикс -ся и суф. -ива-/-ва-/-а- (переговариваться).
Специально-результативные способы действия	Терминативный	Окончание протекавшего некоторое время действия. Формант - преф. про- (проворчать).
	Комплетивный	Значение результата + завершенности. Формант - преф. до- (допить).
	Интенсивно-результативный	Исчерпанность результата + экспрессивность действия. Форманты – префиксы: вы- (выбелить), до- (достучаться), за- (замучить), за- + постф. -ся (загуляться), из- (избить), из- + -ся (измаяться), на- (начистить), от- (отрегулировать), про- (прокипятить), при- (пригреться), раз- (расхвалить), у- (ужиться).
	Накопительно-суммарный	1) Накопительная. Формант – преф. на- со значением накопления (надоить). 2) Суммарная. Действие охватывает или уничтожает. Форманты – префиксы: об- (обшить), с- (сносить), вы- (выжать), из- (исходить).
	Дистрибутивный (СВ)	«Дополнительно к значению достижения результата означает действие, поочередно распространяющееся на ряд объектов или исходящее от ряда субъектов». Форманты – префиксы по- (порубить) и пере- (переломать).

Однако, несмотря на многообразие способов глагольного действия и их разновидностей, на практике зачастую бывает очень сложно распределить

глаголы в соответствии с данной классификацией, поэтому с этой целью не менее важно учитывать и формальные показатели русского глагольного вида, и систему частных видовых значений, описанную выше (см. параграф 1.1.3).

1.2. Потенциально опасные места при освоении аспектуально-темпорального комплекса русского языка

1.2.1 Основопологающие различия аспектуально-темпорального комплекса русского и польского языков

В основу нашего сопоставления русского, польского и чешского глагольного вида ложится теория S. M. Dickey, согласно которой русский и чешский язык четко разводятся по двум группам (восточнославянских и западнославянских языков соответственно), а польский язык занимает промежуточное положение и сочетает в себе черты обеих языковых групп (Dickey 2000).

Кроме того, Dickey дает четкий перечень различий аспектуальных систем славянских языков (там же: 31). Согласно этому перечню, аспектуально-темпоральные комплексы русского и польского языков имеют следующие расхождения:

1. перфект в польском языке, в отличие от русского, может использоваться для обозначения повторяющихся событий в настоящем и в прошедшем времени;
2. в польском языке в общефактическом значении при обозначении разового завершенного действия используется имперфект с «не»;
3. в польском языке перфект может использоваться для обозначения «обратимого действия», в то время как в русском языке для этого используется имперфект (*Я только недавно ему звонил*);
4. в польском языке перфект может использоваться в перформативных предикатах;
5. имперфект в польском языке может выражать последовательность действий, в то время как в русском языке эту задачу выполняет, как правило, перфект;
6. оппозиция глагольного вида в польском языке сохраняется в отглагольных существительных;

7. в польском языке перфект может использоваться с отрицанием в контексте с дуративом;

8. «С-»/«з-» является самой продуктивной «чистовидовой приставкой» в польском языке.

Во многом оказываются схожи наблюдения Е. В. Петрухиной, также занимавшейся сопоставлением особенностей аспектуальной категории глагола в разных славянских языках (Петрухина 2000). С опорой на данные исследования мы смогли выделить и подтвердить примерами несколько контекстов, обнаруживающих ошибки в речи студентов-поляков, изучающих русский язык.

1. Контекст с отрицанием

Контекст с отрицанием для носителя русского языка указывает на отсутствие действия – следовательно, и на «отсутствие актуализации его предела» (там же: 63), а в сочетании с “*никогда не*” и на употребление СВ вообще. Отсюда в русской речи носителей польского языка возникают ошибочные конструкции с глаголом НСВ:

Извини, что я тебе так долго не написал².

2. Первичные имперфективы

В польском языке первичные имперфективы не могут замещать глаголы СВ в контекстах, в которых в русском языке преобладает НСВ. Например, в вопросах с “когда-нибудь”. Если в РЯ в таком случае обязательно употребление НСВ (*Ты когда-нибудь думал об этом?*), то в польском, наоборот, будут преобладать формы СВ, особенно если речь идёт о единичном действии в прошлом:

Ты когда-нибудь поднялся на Снежку?

3. Повторяющиеся действия

В польском языке глаголы НСВ легко сочетаются и с показателями кратности. Э. Кошмидер отмечает, что в польском языке «склонность к более широкому использованию глаголов несовершенного вида наблюдаем и в

² Этот и следующие два примера приводятся из монографии Е. В. Петрухиной (Петрухина 2000).

случаях многократного значения» (Кошмидер 1962: 157) В то же время СВ в контексте кратного действия используется здесь чаще, чем в русском, но реже, чем, например в чешском. Так, например, Н. Е. Ананьева отмечает особую тенденция употребления СВ в контексте кратных окказиональных действий: заметить, показаться, найти (Ананьева 1993). При обозначении же повторения нежелательных действий польский язык допускает употребление глаголов обоих видов:

Суп она иногда пересолит.

4. Буду + глагол в прошедшем времени

В польском языке существуют два способа образования будущего времени:

1. глагол быть (być) в форме будущего времени + инфинитив (bezokolicznik);

2. глагол быть (być) в форме будущего времени + глагол несовершенного вида в третьем лице (единственного или множественного числа) прошедшего времени.

Особой разницы в употреблении этих конструкций нет, однако в разговорной речи поляков чаще можно услышать второй вариант, который может показаться странным носителю русского языка, поскольку в одной форме глагола как бы сочетается и прошедшее, и будущее время:

И я думаю, чаще всего он будет говорить. Я буду слушал –он будет только говорить.

5. Вторичная имперфективация

В отношении аспектуальной категории глаголов вторичной имперфективации польский язык опять же занимает промежуточную позицию между русским и чешским. Однако это не отменяет того, что мы можем обнаружить здесь расхождения с русским языком. Так, например, вторичные имперфективы с приставкой do-, образованные от глаголов движения, в польском языке, в отличие от русского, могут иметь конкретно-

процессуальные значения. Отсюда в русской речи носителей польского языка могут возникать подобные видовременные несоответствия:

Когда Малюков долетал до земли, не сразу понял, что случилось.

6. Контекст с настоящим историческим

Подобные ошибки могут возникать при распределении форм СВ и НСВ глаголов для повествования в настоящем историческом плане. Здесь польский язык довольно близок с русским, но все же в нем наблюдается немного большая свобода в выборе аспекта. В связи с этим может возникать оппозиция видовременных форм глагола в одном временном плане:

Береза шелестит своих желтых листьев...один листок срывается и улетел.

7. Перформатив

Перформативные конструкции, как уже упоминалось ранее, в польском языке иногда допускают использование перфекта, что не является характерным для русского языка. Отсюда у некоторых студентов вызвал трудности выбор между СВ и НСВ глаголов в таких конструкциях:

*Я вижу Вас впервые! **Поклянусь!***

- Я сейчас скажу Вам, где театр, а Вы пойдете прочь, договорились?

*- **Пообещаю!** – ответил дядя Ваня.*

Однако такой тип ошибки в речи носителей польского языка встречается очень редко. Кроме того, нельзя исключать возможность того, что эти случаи связаны не с семантикой вида, а с тем, что студенты ошибочно образуют формы настоящего времени от более привычных им форм СВ.

Таким образом, на основе теоретических исследований можно сделать вывод, что особое внимание при анализе русской речи польских студентов необходимо будет уделять контекстам с отрицанием, а также процессу имперфективации. Кроме того, необходимо учитывать, что ошибки в устной и письменной речи могут различаться не только количественно, но и качественно.

1.2.2 Основополагающие различия аспектуально-темпорального

комплекса русского и чешского языков

Возвращаясь к исследованию S. M. Dickey (Dickey 2000) и сравнивая между собой аспектуально-темпоральный комплекс русского и чешского языков, отметим, что те различия, которые были обозначены по отношению к польскому языку (см. параграф 1.2.1), сохраняются и при сопоставлении с чешским, хотя степень их проявления может отличаться.

При этом к основополагающим различиям между русским и западнославянскими языками, в числе которых оказывается и чешский, S. M. Dickey (там же: 31) относит еще и следующие:

1. перфект используется в чешском языке также в контексте инструкций, примеров;

2. отсутствие фазового глагола «стать»;

3. в чешском языке префикс за- не используется для обозначения ингрессивной начинательности действия, в то время как в русском языке это один из основных префиксов, обозначающих начинательный способ глагольного действия (*засмеяться*);

4. русский делимитативный префикс по- (*пообниматься, поруководить*) в чешском языке в таком значении не используется – здесь он сохраняет свое изначальное пространственное значение;

5. в чешском языке в контексте повествования в настоящем историческом преобладают перфектные формы глагола. При этом об особенностях употребления форм повествования в настоящем историческом мы упоминали и по отношению к польскому языку. Однако в польском данный контекст хоть и допускает использование перфектных форм, все же обнаруживает больше сходств с русским языком, поэтому и ошибок, связанных с этим, у польских студентов ожидается меньше, чем у чешских.

Также отметим еще несколько отличительных особенностей аспектуально-темпоральной системы чешского языка, зафиксированных в работах других исследователей:

1. Анализируя семантику многократных глаголов в чешском языке, Ф. Копечный отмечает, что «маркированно многократные глаголы являются и “маркированно неактуальными”, т. е. вообще не могут обозначать актуальное действие», при этом под актуальность он понимает «то, что протекает в момент речи» (Копечный 1962: 207).

2. «Сходные функциональные и семантические различия между русским и чешским НСВ проявляются также в вопросах с *когда-нибудь*, повествовательных предложениях с *когда-то*, в отрицательных предложениях с *никогда*» (Петрухина 2013: 62). В этих случаях, как справедливо отмечают исследователи, в русском языке используются глаголы НСВ, а в чешском – преимущественно глаголы СВ.

3. В чешском языке нет «непроцессных вторичных имперфективов» (как русское *съесть*, *приехать* и т.д.). В связи с этим «в чешском языке не развит реверсивный тип ОФ значения НСВ (со значением аннулированного результата) типа русского *К тебе приходил Иван (= был и ушел)*» (там же: 63).

4. При отрицании в прошедшем времени в чешском языке используются исключительно глаголы СВ, которые могут обозначать как неосуществленное в прошлом действие вообще, так и отрицание ожидаемого действия.

Таким образом, форма СВ глаголов в чешском языке функционирует чаще, чем в русском и польском, в ситуации, когда речь идет о многократном действии, в настоящем историческом и в перформативах, а также часто встречается в конструкциях с отрицанием. Эти данные необходимо учитывать при анализе практического материала и определении характера возникновения ошибок, поскольку это поможет установить причину их продуцирования.

1.3 Причины возникновения ошибок в русской речи носителей других языков и подходы к их объяснению

На современном этапе исследования проблематики двуязычия ошибки, возникающие в речи изучающих второй язык, могут описываться в рамках разных подходов. К таким подходам можно отнести:

- 1) объяснение ошибок через понятие трансфера (см. подраздел 1.3.1);
- 2) психолингвистическое объяснение ошибок, возникающих в условиях речевого дефицита (см. подраздел 1.3.2);
- 3) лингвистическое объяснение возникновения ошибок, обусловленных непосредственно системой русского языка.

В рамках последнего подхода ошибки в речи двуязычных говорящих объясняются с точки зрения нарушения норм русского языка. Сюда, например, можно отнести расширительное использование аналогических форм (сизу – безу), что отражает отсутствие у говорящего тех или иных механизмов самоконтроля, необходимых для верного использования грамматических форм в речи. Также к подтипу лингвистического объяснения уместно отнести дефолтные формы, т.е. случаи значительного преобладания или абсолютного использования одной определенной грамматической формы в потоке речи или на письме, например, использование только форм НСВ на начальных этапах освоения русского языка.

1.3.1. Объяснение ошибок через понятие трансфера

Трансфером называют перенос навыков, полученных при освоении родного языка, на почву изучаемого языка. Выделяют два основных вида трансфера: интерференция и транспозиция. Причины и характер отклонений инофонами от норм языка уже давно тесно связывают с понятием интерференции контактирующих языков. Наиболее точное определение данному термину в широком понимании дал еще в 1978 году Э. М. Ахунзянов (Ахунзянов 1978: 157). Он понимает языковую интерференцию как «изменение в структуре или элементах структуры одного

языка под влиянием другого, причем не имеет значения, идет ли речь о родном, исконном для говорящего языке, или о втором языке, так как интерференция может осуществляться в обоих направлениях».

Итак, при одновременном освоении двух языков первый несомненно будет оказывать влияние на процесс изучения и использования второго. И, как правило, такое влияние заканчивается ошибками в употреблении второго, или изучаемого инофоном языка. Несмотря на это, существует и положительная интерференция, именуемая также транспозицией, или положительным переносом. Этот процесс характеризуется вычленением в сознании двуязычного говорящего универсальных свойств контактирующих языковых систем, используя которые, он снимает угрозу отрицательного влияния родного языка на второй.

Как отмечают Т. М. Балыхина и О. П. Игнатьева, уже на первых этапах освоения второго языка возникает внутриязыковая интерференция, связанная в первую очередь с влияниями лексических и грамматических аналогий внутри языка (Балыхина, Игнатьева 2006). При этом ошибки, допущенные под влиянием внутриязыковой интерференции, могут как затруднять понимание речи, так и приводить к откровенным аграмматизмам.

1.3.2 Психолингвистическое объяснение ошибок, возникающих в условиях речевого дефицита

Психолингвистическая интерпретация ошибок предполагает учет особенностей построения высказывания от замысла до письменной фиксации или устной реализации. При этом принимаются во внимание как неконтролируемые речевые действия и предпочтения, так и сознательные или интуитивные установки говорящего, например, попытки избежать проблемных форм - так называемая “техника избегания” (avoidance technique).

Процесс речепорождения на иностранном языке отличается от того, который характерен для носителя одного языка прежде всего тем, что инофоны могут одновременно извлекать из памяти элементы разных

языковых систем. Если извлекается искомый компонент – слово или конструкция русского языка, – коммуникация успешна, если же, как было показано выше, задействуется грамматическая система родного языка, возникают ошибки и процесс коммуникации значительно затрудняется.

Как показали английские ученые З. Дерней и Ю. Кормос, в основе специфических ошибок инофонов лежат различные дефициты (Do ĩnyei, Kormos 1997). Инофоны испытывают дефицит времени для восприятия плохо знакомого языкового материала, чувствуют несовершенство своей речевой продукции, замечают у собеседника затруднения в понимании и остро ощущают дефицит ресурсов – недостаточность своего лексического запаса и грамматических навыков. Дефицит ресурсов часто маскируется тем, что они просто пропускают те слова, которые не приходят на память.

1.4 Выводы

Обобщая проанализированные научные работы, можно сделать вывод, что, несмотря на давний интерес лингвистов к изучению проблематики глагольного вида как в русском языке, так и в других славянских языках, в аспектологии до сих пор остается много открытых и дискуссионных вопросов.

В центре внимания данного раздела грамматики оказывается понятие «видовая пара» и, соответственно, сам факт противопоставления совершенного и несовершенного видов глагола, которое основано на выявлении формальных и семантических признаков, различающих и объединяющих эти виды. Так, например, существуют разные подходы к толкованию граммем русского глагольного вида (признаковый, толковательный, таксономический и текстовый), разные определения категориальной семантики вида, а также классификации его частных значений и основополагающих признаков для соотнесения видовых употреблений со способами глагольного действия. В нашей работе в рамках сопоставления видовых различий в русской речи польских и чешских студентов мы опираемся в первую очередь на текстовый и таксономический подходы и используем существующие классификации частных видовых значений в комплексе.

Кроме того, анализ научной литературы, посвященной сопоставлению аспектуально-темпоральной системы русского языка с польской и чешской, послужил основой для определения потенциально опасных контекстов, вызывающих ошибки при освоении иностранными учащимися темы видообразования русского глагола. Так, общие затруднения в отношении использования форм вида у польских и чешских студентов могут вызывать контексты с отрицанием, с многократным действием, первичной и вторичной имперфективацией, а также повествование в настоящем историческом. Кроме того, выявлено, что чешский глагольный вид имеет больше расхождений с русским, чем польский, поэтому и потенциально опасных

мест для возникновения ошибок в нем отмечено больше. Например, чертой исключительно чешской аспектуальной системы является отсутствие ингрессивного префикса *za-* и делимитативного префикса *po-*. А большая близость польского глагольного вида к русскому объясняется тем, что польский язык занимает промежуточную позицию между восточнославянскими и западнославянскими языками.

С опорой на описанные отличия в грамматической системе интересующих нас славянских языков и разработанные основания для их сопоставления, в настоящей работе проводится собственное исследование, посвященное анализу видо-временных ошибок в устной и письменной речи студентов-поляков и чехов.

2. СОПОСТАВЛЕНИЕ АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫХ ОШИБОК В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ПОЛЬСКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ

2.1 Материалы и информанты

Всего в нашем исследовании приняли участие 62 информанта – носителя польского языка и 30 информантов – носителей чешского языка, изучающих русский язык в среднем от 2 до 4 лет. Трое информантов изучали русский язык около года, двое, наоборот, около 5 и более лет. Все информанты на момент исследования владели русским языком примерно на уровнях В1 – В2. Наши информанты из Польши – это преимущественно студенты-филологи в возрасте 20 – 25 лет, обучающиеся на 2 и 3 курсах бакалавриата Ягеллонского университета в Кракове, а также на 1 и 2 курсах магистратуры Жешувского университета. В свою очередь информантами из Чехии стали учащиеся выпускного класса гимназии в возрасте 16-17 лет и студенты 2 и 3 курса бакалавриата Карлова университета в Праге в возрасте 20 – 23 лет. Были и исключения (4 информанта указали, что владеют русским языком на уровне С1, а 5-ти информантам было более 35 лет), однако качественно это не изменило результаты исследования.

Для сбора материала нами было разработано несколько типов языковых, речевых и коммуникативных заданий:

- письменный перевод текста с родного языка на русский;
- постановка глаголов в необходимую видо-временную форму на месте пропусков в тексте или в отдельных предложениях;
- устный пересказ текста;
- спонтанный диалог на заданные ситуации.

Не все информанты успели выполнить каждое из предложенных заданий. В основном каждый из них смог выполнить 1 или 2 задания. В результате нами было обнаружено 298 ошибок в письменной и 31 ошибка в устной речи при образовании видо-временных форм глаголов студентами-носителями польского языка, а также 270 ошибок в письменной речи и 19

ошибок в устной речи носителей чешского языка. Сразу стоит оговориться, что под «ошибками» в настоящем исследовании мы понимаем не только грубые нарушения существующих в современном грамматическом строе русского языка правил употребления совершенного и несовершенного видов (см. пример 1). Нами также рассматриваются контексты, не содержащие столь грубых нарушений, но демонстрирующие возможные различия в ареальном осознании видовых различий носителями разных языков (см. пример 2), а также некоторые продуктивные словообразовательные модели или, наоборот, их отсутствие в родных языках информантов (см. пример 3).

(1) Люди всегда говорят, что надо меняться, но часто этого не сделают.

(2) Вчера Анна потеряла работу. Она немного грустила, но быстро реабилитировалась.

(3) Вчера мы с друзьями уговорились пойти в кино. (Польск.)³

Также стоит отметить, что почти одинаковое количество ошибок, выделенное в собранном материале, не говорит о том, что освоение данной грамматической категории в равной степени проблематично для обеих групп информантов. Не стоит забывать о том, что поляков, принявших участие в нашем опросе, было примерно в два раза больше, чем чехов. Исходя из этого, можно сказать, что если в среднем на одного информанта с родным польским языком приходится 5 ошибок из полученных результатов, то на информанта с родным чешским языком – около 10 ошибок.

Кроме того, заметим, что разница в количестве ошибок в продуктах разных типов речевой деятельности обусловлена не только тем, что устные задания выполнило меньшее количество информантов, но и тем, что при продуцировании устного высказывания, особенно в пересказе, учащиеся стремились «упростить» себе задачу и прибегали к унификации языковых средств. И если в категориях рода или падежа, на первый взгляд, было

³ В дальнейшем указания на родной язык информантов, допустивших ту или иную ошибку, будут прилагаться лишь к тем примерам, которые были выделены в материале только одной из групп информантов. Если такого указания нет, значит, информанты обеих групп допускали такую ошибку.

допущено даже больше ошибок в устной речи, чем в письменной, то по отношению к аспектуально-темпоральной системе русского языка такой грамматический механизм сработал и привел к сокращению числа ошибок. В пересказе студенты просто выбирали одну форму глагола (как правило, прош.вр. ед.ч.) и придерживались ее в течение всего повествования, игнорируя исходные формы в тексте и избегая тем самым лишних ошибок.

2.2 Ошибки в употреблении видовых форм в русской речи информантов

2.2.1 Общая классификация ошибок

В ходе анализа собранного материала выявленные в письменной речи ошибки были разделены на несколько групп в зависимости от семантической дистрибуции интересующих нас языковых единиц, а также частотности и причин возникновения ошибок в тех или иных контекстах. В общем виде было выделено 9 групп ошибок (таблица 2).

Таблица 2 – Типы и количество ошибок в русской речи носителей польского и чешского языков

№	Наименование группы ошибок	Информанты-чехи	Информанты-поляки
1	Вид глагола в контексте однократного действия	32%	16%
2	Вид глагола в контексте континуального действия	15%	16%
3	Вид глагола в контексте отрицания	12%	20%
4	Вид глагола в контексте настоящего исторического	9%	5%
5	Вид глагола в контексте многократного действия	9%	9%
6	Глагольное словообразование	7%	13%
7	Особенности образования форм действительного причастия прошедшего времени	4%	6%
8	Конструкция типа «буду + гл. НСВ прошедшего времени»	–	5%
9	Остальное	11	9%

Таким образом, большая часть выделенных нами контекстов употребления видо-временных форм глаголов вызвала общие затруднения у носителей обоих славянских языков – чешского и польского. Однако мы видим и некоторые существенные различия. Так, например, если обратить внимание на процентное соотношение количества допущенных ошибок, можно отметить, что в контексте однократного действия носители чешского языка ошибаются в два раза чаще, в то время как у информантов с родным польским языком наиболее явно выражено особое осознание видовых форм глагола в контекстах с отрицанием.

Причины таких расхождений, а также подгруппы ошибок в выделенных контекстах мы рассмотрим в следующих параграфах.

2.2.2 Вид глагола, обозначающего однократное действие

В контексте однократного действия нами было выявлено 147 ошибок: 93 – в речи информантов-чехов и 54 – в речи информантов-поляков. Такая частотность данного типа ошибок оказалась неожиданным результатом, поскольку в польском и чешском языках, как и в русском, для глагола СВ значение единичного действия, достигшего предела в своем развитии, является основным. В то же время полученный результат свидетельствует о том, что не все ошибки в собранном материале обусловлены явлением трансфера. Они могут быть связаны и с ментальной репрезентацией семантики отдельных глаголов, а также способов глагольного действия или частных видовых значений.

Одна из частотных (особенно в речи носителей чешского языка) ошибок данной группы была выявлена в следующем контексте использования глагола в конкретно-фактическом значении:

(4) – *Я сейчас скажу Вам, где театр, и вы пойдете прочь, договорились?*

– *Обещаю!* – *ответил/отвечает дядя Ваня.* – *Знаете, театр – это моя жизнь,* – *начал/начинает он снова.*

– *А-а-а-а – не терпел/не терпит пешеход.*

В данном примере перед нами глагол интенсивно-результативного способа действия, который выражает исчерпывающий результат и может при этом наделять действие дополнительным оттенком экспрессивности. Причина данной ошибки не может объясняться отсутствием в родных языках информантов префикса *вы-* как форманта образования данного способа глагольного действия. Так, З. Н. Стрекалова отмечает, что «интенсивно-результативный способ действия со значением ‘достичь состояния, которое наступает в результате исчерпанности возможностей или сил действующего лица’» в польском языке присущ глаголам с приставкой *wy-* (н.: ‘*wycierpieć się*’ – исстрадаться, ‘*wycierpieć*’ – вытерпеть) (Стрекалова 1979: 241). В чешском языке эту функцию также выполняет префикс *vy-*.

Сам по себе глагол *терпеть* наделен семантикой процессуальности и даже в форме СВ не может обозначать мгновенное результативное действие. Глагол СВ *вытерпеть*, с одной стороны, осознается как результат повторявшихся до этого актов или некоего длительного процесса, во время которого говорящему приходится испытывать дискомфорт от происходящего. Но с другой стороны, особенно в контексте с отрицанием, его семантика подсказывает нам, что он представляет собой не столько исчерпывающий результат, сколько предпосылку другого действия, которое и будет обозначать конечный результат (н.: *Он не вытерпел и сбежал*). Такое осознание семантики данного глагола нейтрализует предел действия и влечет за собой употребление формы НСВ, вместо СВ.

Еще одной распространенной ошибкой в речи носителей чешского языка стало использование в конкретно-фактическом значении глагола движения начинательного способа действия в форме НСВ:

(5) – *А где Лена?*

– *Она шла домой.* (Чешск.)

Связано это с тем, что глаголов движения с начинательными приставками в чешском языке нет вообще, в то время как в русском языке отмечается наличие продуктивного способа действия с приставкой *по-*, четко

обозначающего начальную границу этого действия. В чешском же им «соответствуют бесприставочные глаголы НСВ» (Петрухина 2013: 60).

Отметим, что еще одна часть выделенных нами ошибок оказалась обусловлена не переносом правил употребления видо-временных форм из аспектуальной системы родного языка на русскоязычную речь, а отнесенностью того или иного глагола в родном языке информанта к СВ или НСВ или способами образования этих форм и, как следствие, проблемами их перевода. Особенно часто данная причина прослеживается на материале, собранном в ходе опроса носителей польского языка. Так, в контексте однократного действия подобная закономерность была отмечена, например, при использовании глагола НСВ *'wdychać'* (*вдыхать*), не имеющего видовой пары в польском языке и употребляемого в том числе на месте русского однократного способа глагольного действия. Ср.: *Пешеход вдохнул воздух, чтобы ответить.* – *Pieszku wdychał powietrze, by odpowiedzieć.* (Польск.) Отсюда вытекают ошибки типа:

(б) *Пешеход вдыхал воздух, чтобы ответить.* (Польск.)

При этом сама модель образования формы СВ глагола со значением мгновенности действия в польском языке практически совпадает с русской. В русском языке в этом случае формантом выступает суффикс –ну (*махать* – *махнуть*), а в польском – суффикс –ną (*mahać* – *mahnąć*).

Противоположным примером может послужить употребление русского биаспектива 'организовать'. В русском языке приведенный глагол может отражать семантику как НСВ, так и СВ: *я организую эту выставку* = *я буду ее организовывать* (процесс)/ *выставка будет мною организована* (результат). Однако в польском и в чешском языках данный глагол имеет видовую пару, в которой форма СВ образована путем префиксации: *'organizować – zorganizować'* (польск.) и *'organizovat – zorganizovat'* (чешск.). Таким образом, зная продуктивную приставку с-, участвующую в образовании форм СВ русских глаголов (ср.: *делать* – *сделать*), и опираясь на соответствующую

видовую пару в родном языке, информанты обеих групп допускали следующую ошибку в контексте будущего времени:

(7) *Через месяц я сорганизирую новую выставку.*

Некоторые ошибки данной группы могут вообще не иметь функционального описания, поскольку возникли на фоне унификации глагольных форм в результате дефицита ресурсов, то есть недостаточной лексической компетенции говорящего, особенно в построении спонтанного диалога на русском языке. Такой ошибкой, например, можно считать устное высказывание студента-поляка:

(8) *Если мне мешает твоя музыка при учебе, я спрашиваю, чтобы ты, например...выключил музыку.*

Кроме того, в рамках данной группы мы выделили еще 2 типа ошибок, причиной возникновения которых послужили приводящие к интерференции различия в употреблении и семантике вида: 1) предпочтительное употребление глаголов СВ в контекстах, подразумевающих использование глаголов реверсивного типа (ОФ) значения; 2) использование СВ для обозначения обратимого действия.

Первый тип был выявлен по большей части в языковых упражнениях, выполненных чехами. Связано это с тем, что в чешском языке нет «непроцессных вторичных имперфективов» (Петрухина 2013: 63). По этой причине глаголы НСВ в нем лишены возможности выражать ОФ двунаправленное значение (значение аннулированного результата):

(9) *Пока тебя не было, к тебе пришел друг, но не стал тебя дожидаться.*

Второй тип ошибок больше характерен для носителей польского языка и обусловлен тем, что в родном языке они могут использовать глаголы СВ для обозначения «обратимого действия», однако в русском языке такой контекст формируется глаголами НСВ с общефактическим предельным значением:

(10) *Почему ты жалуешься, что мы редко общаемся? Я недавно только тебе позвонил.*

(11) *Паулина? Никуда она не пропала. Я только вчера с ней увиделась.*

Таким образом, анализ ошибок, допущенных в контекстах с однократным действием, позволил нам, во-первых, выделить три основные причины возникновения ошибок. Их можно обозначить следующим образом:

- 1) особенности ментальной репрезентации языкового явления;
- 2) трудности и издержки перевода ряда глаголов, независимо от их дистрибуции;
- 3) непосредственно явление трансфера.

Кроме того, анализ ошибок, обусловленных причинами 1) и 2) дал неожиданный результат: в контексте однократного действия некорректное использование НСВ на место русских глаголов СВ с конкретно-фактическим значением оказалось даже более частотным нарушением, чем употребление глаголов СВ, вместо НСВ, в ОФ значении, обусловленное грамматическими нормами родных языков информантов. С другой стороны, последние два подтипа ошибок свидетельствуют о том, что можно говорить о большей категоричности в репрезентации определенных контекстов употребления глаголов НСВ в рамках аспектуальной системы польского и чешского языков.

2.2.3 Вид глагола в контексте отрицания

Особый интерес представляют предложения, содержащие отрицание, т.к. при отрицаниях форма глагола НСВ перестает осознаваться как четкое указание на действие, протекающее во времени, и воспринимается лишь как одноразовый акт с возможным дополнительным оттенком длительности. Ср.: *Они все еще ничего не предпринимали.* Как отмечает О. П. Рассудова, «оттенок длительности остается выраженным, но не глагольной формой, а контекстом и ситуацией» (Рассудова 1982: 68). В таких случаях опять же допускается свободное употребление обоих видов глагола, если этому не

препятствуют нормы лексической сочетаемости русского языка (например, отрицание “*никогда не*” не может употребляться вместе с глаголом СВ).

Семантика глагольного вида в контекстах с отрицанием заслуживает отдельного внимания. По мнению Ю. П. Князева, «употребляя отрицательное высказывание, говорящий одновременно имеет в виду и соответствующий «позитивный» ход событий». При этом формы прошедшего времени НСВ в отрицательных предложениях «осмысляются в первую очередь в общефактическом значении, для которого характерна именно р е т р о с п е к т и в н а я т о ч к а о т с ч е т а» (Князев 2011: 4).

В общем виде можно говорить о том, что в русском языке глаголы СВ в контексте отрицания, как правило, сохраняют семантику единичности и временной определенности, в то время как глаголы НСВ характеризуются в таких конструкциях потенциальной кратностью и временной неопределенностью.

Опираясь на положение эстонских исследователей М.А. Šeljakin и I.P. Kjul'moja, можно говорить о том, что «Наличие отрицания при глаголе не превращает значение целостности действия в значение нецелостности и наоборот: отрицаются не видовые значения, а действия с видовыми характеристиками» (М.А. Šeljakin и I.P. Kjul'moja 2011: 72). Получается, что отрицание глаголов СВ не отрицают сами пределы глагольного действия, а выражают отрицание их достижения. Об отсутствии актуализации предела в контекстах с отрицанием в чешском и польском языках пишет и Е. В. Петрухина, отмечая, что это «снимает семантические ограничения на сочетаемость СВ с обстоятельственными показателями неограниченной длительности» типа долго, целый день и т.д. (Петрухина 2000: 63).

Подобная интерпретация видовой семантики в контексте отрицания носителями польского и чешского приводит к регулярным ошибкам в употреблении глаголов СВ, вместо НСВ с «экспериментивным» (Аркадьев: 11) типом ОФ значения:

(12) *Раньше мы с вами никогда не встретились.*

(13) Я вообще никогда не смог выучить текст наизусть: всегда забывал, что делать и куда идти.

(14) Я никогда и не подумал, что когда-нибудь встречу тебя снова.

(15) Говоришь, что мы никогда не познакомились?

(16) Люди всегда говорят, что надо меняться, но часто не сделают этого.

Как отмечает А. Стунова, исследуя глагольный вид в чешском языке, такое доминирование СВ при отрицании особенно характерно для форм прошедшего времени. Она предлагает рассматривать отрицательное событие как сложную структуру, в которой сферу отрицания можно разделить на макроуровень или микроуровень, то есть распространить либо на все возможные случаи отрицаемого события (как в примерах выше), либо на один конкретный случай из множества (А. Stunova 1993: 95-96). Интересно, что во втором случае может наблюдаться смешение в сторону НСВ, что опять же противоречит нормам употребления видовых форм глагола в русском языке:

(17) Вчера мы с друзьями договорились пойти в кино. Когда я пришла в назначенное место встречи, я там никого не видела.

Кроме того, Е. В. Петрухина отмечает особый случай, который может повлечь за собой ошибки в выборе видовых форм глагола. Он связан с использованием таких глаголов, как *остаться*, *задержаться*. Конечно, здесь речь идет не об отрицании как таковом, однако данные глаголы также отражают в своей семантике отсутствие изменения и смены ситуации. В чешском языке они могут употребляться с показателями длительности (Петрухина 2000: 64). Отсюда возникают ошибки типа:

(18) Я остался там долго.

Еще один контекст с отрицанием, на который нам стоит обратить внимание, связан с отрицательным императивом, который, как правило, требует НСВ глагола. СВ в контексте с отрицанием обычно связано со значением превентива — «предупреждения об (обычно нежелательном)

действии, которое может произойти случайно, вопреки намерению субъекта: не покупай хлеб vs. не купи (случайно вместо картошки) хлеб». (Гусев: электронный ресурс). В польском же и чешском языках обе видовые формы ('не покупай' и 'не купи') переводятся одинаково глаголом СВ, как и другие глаголы в отрицательном императиве. В итоге на материале русского языка мы видим следующие употребление данного контекста:

(19) *Лучше не купи телефон в этом магазине.*

(20) *Лучше не покупай телефон в этом магазине.*

Таким образом, анализ контекстов, содержащих отрицание, показывает, что в этой области наблюдается наибольшее сходство в репрезентации видовых употреблений на базе чешского и польского языков. Именно поэтому мы видим, что процесс освоения русского глагольного вида в данном контексте протекает практически идентично у информантов обеих групп.

2.2.4 Вид глагола в контексте континуального действия

Следующий, чуть менее частотный, но продуктивный тип ошибки, выделенный в нашем материале, связан с выбором видовых форм глагола, со значением континуального действия. Здесь мы опять же выделили несколько подтипов:

- 1) использование глагола ограничительного способа действия;
- 2) использование глагола начинательного способа действия;
- 3) употребление СВ на месте первичного имперфектива.

1) Большее количество ошибок данной группы связаны с делимитативной функцией русского префикса *по-*, являющегося формантом ограничительного способа действия.

Для польского языка характерно использование дериватов с приставкой *по-* (*po-*), обозначающих действие, которое имеет определенные временные границы, но не является результативным. Временные рамки такого действия обычно небольшие.

В связи с этим в русской речи носителей польского языка могут возникать предложения типа «*Я покричал (вм. прокричал) изо всех сил*»; «*Посидел до самого утра*» и т.д. «Но, тем не менее, в русских делимитативах более четко, чем в польских, выражена идея конца действия, соответствующая категориальной семантике СВ. В русском языке данные глаголы, как правило, не могут быть употреблены в контексте, содержащем указание на продолжение выражаемого ими действия» (Петрухина 2006). Для носителя русского языка такие предложения не являются естественными, в то время как в польском языке они не нарушают никаких норм лексико-грамматической сочетаемости.

Таким образом, мы можем говорить о том, что «расхождения в фазисно-временной семантике русских и польских делимитативов определяются различным представлением конечной границы действия» (там же). Так, в русском языковом сознании глагол, отражающий семантику конечного предела, обычно обозначает завершение действия. В то время как носители польского языка воспринимают подобные дериваты как сигналы, указывающие лишь на границу интервала, во время которого совершалось то или иное действие. Следовательно, делимитативы в польском языке выражают действие, ограниченное определенным временным отрезком, но способное продолжаться и вне этих границ. Если же ничто не указывает на продолжение, то такое действие осознается как законченное. Стоит отметить, что традиционно польские словари указывают совершенный вид для подобных глаголов.

Несмотря на то, что делимитативы в польском и русском языках все же схожи по семантике, мы обнаружили немало ошибок данного типа в собранном материале. Однако, здесь интересно будет сравнить, как один и тот же контекст использования делимитативных глаголов осознается носителями чешского и польского языков, если учитывать, что русский делимитативный префикс *по-* в чешском языке в таком значении не используется.

(21) *Завтра у меня выходной, поэтому я пробужусь поздно, ем, гуляю, буду читать, а потом снова лягу спать.* (Чешск.)

(22) *Завтра у меня выходной, поэтому я проснусь поздно, съем, погуляю, почитаю, а потом снова лягу спать.* (Польск.)

Итак, если в первом случае, очевидно, прослеживается межъязыковая интерференция, обусловленная отсутствием в чешском языке префикса *po-*, образующего ограничительный способ действия, то во втором примере мы наблюдаем корректное использование делимитативов во всех глаголах, кроме глагола 'есть'. В данном случае характер возникновения ошибки в речи поляка опять же обусловлен издержками перевода, так как в польском языке глагол 'поесть' образуется при помощи продуктивной приставки *z-* ('*zjeść*').

Другой пример, в котором информанты-поляки не используют делимитативный префикс *po-*, может объясняться как раз тем, что, с точки зрения их родного языка, такой глагол обозначал бы законченное действие, в то время как контекст указывает на процессуальное значение:

(23) *Вчера Анна потеряла работу. Она немного грустила, но быстро реабилитировалась.*

Таким образом, опрашиваемые могли прибегать к форме глагола СВ с целью подчеркнуть значение длящегося какое-то время действия.

Еще один контекст, содержащий данный тип ошибки и вызвавший наш интерес, особенно часто отмечался как ненормативный в работах чешских студентов:

(24) *Хотя у многих есть карта города, они все равно не могут найти достопримечательности, чтобы их сфотографировать. Однажды немецкий турист спросил у Вани, как добраться до Кремля.*

– *А что вам нужно в Кремле?*

– *Я хочу там сфотографировать.*

Данный контекст интересен тем, что мы можем сопоставить употребление одного и того же глагола в нем в форме СВ и НСВ и

попытаться понять, чем мотивирован такой выбор видовых форм. Итак, в первом случае в придаточной части СПП мы видим глагол СВ с конкретно-фактическим значением. Несмотря на то, что речь идет о повторяющемся действии, в этом контексте можно осознавать глагол *‘фотографировать’* как предельный. Люди постоянно приходят на площадь, фотографируют Кремль и уходят, следовательно, их цель, как правило, оказывается достигнута, и мы можем говорить о наличии предела у этого действия. Во втором же случае субъект действия еще только собирается пойти на площадь, чтобы реализовать задуманное, а значит, предел действия еще не определен, что и может подсказать носителю иностранного языка форму НСВ, если он не знает о возможности использования делимитативного префикса *no-* в таком контексте.

2) Второй тип ошибок данной группы связан с использованием глагола начинательного способа действия, семантика которого заключается в использовании префикса *za-*.

Отметим, что в чешском языке дериваты с данной приставкой «выражают скорее кратковременное проявление действия (*zakřičet* – прокричать)» (Петрухина 2013: 59). В свою очередь для польского языка, как отмечает Е. Э. Пчелинцева, «выражение значения начинательности с помощью глагольных префиксов – явление довольно нехарактерное» (Пчелинцева 2016: 254). У З. Н. Стрекаловой мы находим лишь 14 глаголов с начинательной приставкой *za-* в польском языке, среди которых есть такие глаголы, как *запеть*, *заинтересоваться*, *захотеть*, *заплакать* и т.д. (Стрекалова 1979: 184).

В разработанных нами заданиях в данном значении подразумевалось использование 2 глаголов: *залаять* и *запеть*. Полученные результаты позволяют нам утверждать, что описанные выше особенности родных языков информантов были перенесены ими на русскоязычную речь. Так, поляки практически не допускали ошибок в глаголе начинательного способа действия *‘запеть’*, но некоторые из них не смогли образовать аналогичный

глагол ‘залаять’, чехи же ошибались в обоих контекстах примерно равное количество раз:

(25) *В зале была тишина. Вдруг один мужчина очень громко запел, и все посмотрели на него.*

(26) *В тот день была очень хорошая погода. Михаил пошел на охоту. В лесу было тихо, спокойно, но внезапно собака чего-то испугалась и громко залаяла.*

3) Последний тип ошибки связан с употреблением информантами глаголов СВ на месте первичных имперфективов. Таких ошибок встретилось не так немного, и мы можем сказать, что они связаны с особенностями интерпретации данных глагольных действий информантами с отличным от русского языковым мышлением.

Одна из таких ошибок, отмеченная в нескольких работах, связана с ОФ значением аннулированного результата:

(27) *Когда-то я подумал, что буду президентом. Но этого так и не произошло.*

Вероятно, носители польского и чешского языков прослеживают в этом контексте предел действия, происходившего в прошлом. Как мы упоминали раньше, недостигнутая цель может осознаваться как отмена действия, но не как отмена предела.

Еще один частотный для настоящего подтипа ошибок пример был взят из задания на перевод. Интересно, что, выполняя перевод текста с чешского языка на русский, почти никто не использовал глагол в форме НСВ в следующем контексте: «*Человеческие ноги вязнут в грязи*». Даже студенты, которые перевели весь этот отрывок в настоящем историческом с использованием только форм глаголов НСВ, перешли на форму СВ в данном предложении:

(28) *Человеческие ноги застрянут в грязи. (Чешск.)*

(29) *Человеческие ноги увязнут в грязи. (Чешск.)*

Вероятно, в чешском языковом сознании это исключительно результативное действие, которое не может быть представлено как длительный процесс или формально повторяющееся действие, представляющее собой медленное вытягивание ног из какой-либо вязкой субстанции.

2.2.5 Вид глагола в контексте многократного действия

Трудности в выборе между глаголами СВ и НСВ в контексте многократного действия, по мнению многих исследователей, связаны в первую очередь с тем, что семантика глагола НСВ вне контекста остается немаркированной и позволяет взаимодействовать как со значением длительности, так и со значением повторяемости (И. Н. Смирнов 2010, В. Соболева 2011, А. В. Уржа 2016). В таком случае, как правило, иностранцев спасают лексические маркеры, указывающие на кратность действия (часто, постоянно, каждый год и т.д.)

Согласно исследованиям S. M. Dickey, аспектуально-темпоральные комплексы русского и польского языков имеют следующее расхождение: СВ в польском языке, в отличие от русского, может использоваться для обозначения повторяющихся событий в настоящем и в прошедшем времени (Dickey 2000: 31).

В польском языке глаголы НСВ легко сочетаются и с показателями кратности. Э. Кошмидер отмечает, что в польском языке «склонность к более широкому использованию глаголов несовершенного вида наблюдаем и в случаях многократного значения» (Кошмидер 1962: 157) В то же время СВ в контексте кратного действия используется здесь чаще, чем в русском, но реже, чем, например в чешском. Так, например, Н. Е. Ананьева отмечает особую тенденция употребления СВ в контексте кратных окказиональных действий: заметить, показаться, найти (Ананьева 1993). При обозначении же повторения нежелательных действий польский язык допускает употребление глаголов обоих видов.

В связи с этим в русскоязычной речи поляков возникают следующие типичные ошибки в употреблении глаголов НСВ с неограниченно-кратным значением (см. примеры 30, 31) и с длительно-процессным значением (см. пример 32).

(30) *Мне было 5 лет, когда я первый раз был в театре. Там висела такая большая люстра и открылся такой красивый занавес!* (Польск.)

(31) *В последнее время на занятиях мы прочитали рассказы русского советского писателя Виктора Драгунского.* (Польск.)

(32) *Он постоянно хотел куда-то пойти... на выставку, в театр. Каждый день он встретился с друзьями.* (Польск.)

«Сходные функциональные и семантические различия между русским и чешским НСВ проявляются также в вопросах с *когда-нибудь*, повествовательных предложениях с *когда-то*, в отрицательных предложениях с *никогда*» (Петрухина 2013: 62). В этих случаях, как справедливо отмечают исследователи, в русском языке используются глаголы НСВ, а в чешском – преимущественно глаголы СВ:

(33) *Когда-то я послушала разную музыку, но теперь слушаю только рок.* (Чешск.)

В контексте многократного действия мы также выделили ошибки в употреблении глагола со значением хабитуальности (см. пример 34) и неограниченно-кратным значением (см. пример 35).

(34) *Первое, что выросло летом на огороде, бывает всегда сорняком.*

(35) *Она такая неловка, что часто что-нибудь разобьет.* (Чешск.)

Стоит отметить, что в собранном материале мы обнаружили равное количество ошибок данного типа и у поляков, и у чехов, хотя последних было в два раза меньше. Это позволяет судить о том, что для чехов освоение семантики русского глагольного вида в контексте повторяющегося действия является более трудной задачей. Связано это может быть еще и с тем, что итеративность в чешском языке выражается исключительно морфологическим способом, в отличие от русского, где она выражается

синтаксическим способом. Польский же язык совмещает в себе черты обоих языков (Péter Párnovtcs 1999: 85). С одной стороны в нем больше итеративных глаголов типа ‘хаживать’, ‘писывать’, но с другой стороны – на их месте допускается и использование глаголов НСВ.

2.2.6 Вид глагола в контексте настоящего исторического

Следующий выделенный нами контекст – повествование в настоящем историческом. Сразу стоит отметить, что этот параграф посвящен не столько ошибкам, сколько наблюдениям, проведенным над контекстами такого рода в ходе нашего исследования, и сопоставлению выбора в них глаголов СВ или НСВ носителями западнославянского языка (чешского) и языка, занимающего промежуточную позицию между западно- и восточнославянскими языками (польского).

Для начала необходимо разобраться в том, что представляет собой контекст настоящего исторического, и какими аспектуальными признаками и семантикой он наделен в системе русского, польского и чешского языков. Исследованию данного вопроса в рамках аспектологии посвящены работы таких отечественных и зарубежных исследователей, как Бондарко 1971, Stunová 1993, Cutrer 1994, Петрухина 2000, Dickey 2000 и др.

Так, Cutrer рассматривает процесс повествования в настоящем историческом как сдвиг точки зрения говорящего назад, то есть к моменту самой истории, о которой ведется речь. Вместе с этим базовое пространство говорящего смещается в альтернативную точку повествования, находящуюся в «мире истории». При этом он отмечает, что это особое явление, сопровождающее этот сдвиг, поэтому не стоит приравнивать к простому настоящему.

Dickey разделяет эту точку зрения, но вносит дополнения, предлагая рассматривать отдельно два качественно разных, по его мнению, явлений: настоящее историческое в разговорной речи и в художественной литературе. Он отвечает, что второе, как правило, лишено той экспрессии, которая присуща устному нарративу в рамках настоящего исторического.

Кроме того, Dickey говорит о том, что в таком контексте носители западнославянских языков используют преимущественно формы СВ. Тот факт, что в простом настоящем в них преобладают формы НСВ лишь подтверждают, что данное явление обладает иной семантикой.

Однако для носителя восточнославянского языка, в том числе русского, очень трудно понять возможность повествования в настоящем историческом с использованием глаголов СВ. Dickey пишет: «Even in a narrative situation of event being recalled, where event time may equal speech time, the speaker scans through the events only one at a time» (Dickey 2000: 137). Таким образом, отдельная ситуация в настоящем историческом здесь не может рассматриваться как целостное событие, поскольку фокус говорящего переходит от события к событию, им учитываются ситуации до и после. Это обуславливает тот факт, что восточнославянский СВ почти всегда неуместен в контексте настоящего исторического. Схожая ситуация выстраивается и в аспектуальной системе польского языка. Хотя нельзя утверждать, что глаголов СВ, подходящих для использования в настоящем историческом в русском и польском языках нет вообще. Таковыми являются, например, глаголы движения 'приходит', 'выходит'. Кроме того, отметим, что в польском языке выбор СВ и НСВ в подобных контекстах все же более свободный, чем в русском языке, хоть и не до такой степени, как в чешском.

Если при переключении повествования из прошлого в настоящее историческое в русском языке происходит переход не только прошедшего времени в настоящее но и аспектных форм (СВ в НСВ), то в чешском языке наблюдается смешение глаголов СВ и НСВ в нарративе.

Основываясь на собранный нами материала, как мы уже упоминали ранее, мы не выделяли как таковых ошибок в русских контекстах в настоящем историческом, репрезентированных информантами с родными польским и чешским языком. Однако мы отметили регулярные переходы от одних видо-временных форм к другим.

Студентам был предложен следующий контекст:

Представляете, приезжаю я первый раз в Швейцарию. Вижу – везде горы, водопады, красота! Смотрю я на это всё и не могу налюбоваться. Но мне надо торопиться на электричку. Иду с чемоданом на станцию, и не могу понять, какая электричка моя. Оставляю чемодан на перроне, захожу на секунду в вагон, чтобы спросить, куда едет этот поезд. И в этот момент двери закрываются, и поезд начинает ехать. А мой чемодан остается на перроне! Представляете, какой у меня был шок?!

В данном контексте на месте большинства глаголов были пропуски, а сами глаголы были даны списком на родном языке информантов. Их задачей было выстроить рассказ об истории с отдыха таким образом, будто это происходит с ними прямо сейчас. В результате мы получили разные варианты ответов. Здесь мы представим по одному наиболее универсальному варианту от каждой группы информантов.

(36) Представляете, приезжаю я первый раз в Швейцарию. Вижу – везде горы, водопады, красота! Смотрю я на это всё и не могу налюбоваться. Но мне надо торопиться на электричку. Иду с чемоданом на станцию, и не понимаю, какая электричка моя. Оставляю чемодан на перроне, зашел на секунду в вагон, чтобы спросить, куда едет этот поезд. И в этот момент двери закрылись, и поезд начал ехать. А мой чемодан остался на перроне! Представляете, какой у меня был шок?! (Польск.)

(37) Представляете, приезжаю я первый раз в Швейцарию. Вижу – везде горы, водопады, красота! Смотрю я на это всё и не могу налюбоваться. Но мне надо торопиться на электричку. Пойду с чемоданом на станцию, и не смогу понять, какая электричка моя. Оставил чемодан на перроне, зашел на секунду в вагон, чтобы спросить, куда едет этот поезд. И в этот момент двери закрылись, и поезд начал ехать. А мой чемодан остался на перроне! Представляете, какой у меня был шок?! (Чешск.)

Таким образом, мы видим, что информанты обеих групп рано или поздно совершают переход от повествования в настоящем историческом к совершенному прошлому. Носители чешского языка, как правило,

совершают этот переход раньше. Иногда интуитивная потребность использовать глагол СВ приводит к тому, что информанты прибегают к формам будущего времени глаголов СВ (*оставлю чемодан*).

Однако интересно отметить, что во всех проанализированных работах совершался переход к повествованию в совершенном прошедшем на моменте рассказа про поезд, двери которого закрываются, после чего он начинает ехать. Также очень часто глагол СВ прошедшего времени используется с момента «зашел на секунду в вагон». Все это говорит о том, что данные действия могут осознаваться ими в данном контексте исключительно как мгновенные и результативные.

Такие переходы от одних форм к другим наблюдались и в других контекстах, но преимущественно все же у носителей чешского языка. Например:

(38) *Андрей смотрит на мужчину, идущего рядом. Наконец, он подходит к нему.*

(Дальше происходит диалог).

– Я обещаю! – говорит он.

Андрей отступил. Он еще не понимает, что говорил с другом детства.

(Чешск.)

Или даже в контексте одного предложения:

(39) *Береза шелестит своими листьями. Один листок срывается и упадет / упал на землю.* (Чешск.)

Таким образом, выбор иностранными информантами форм в анализируемых контекстах обусловлен в первую очередь их ментальными представлениями и особенностями восприятия пространственно-временного плана повествования в настоящем историческом.

2.2.7 Глагольное словообразование

Мы не будем подробно описывать данную группу, поскольку случаи несоответствия глагольного словообразования тоже не являются аспектуальными ошибками как таковыми, однако иногда они влияют на

семантические оттенки видовых форм глаголов. Для начала сопоставим основные способы образования польских глаголов со совообразовательной системой русского языка. От основ имён существительных и прилагательных они образуются, как правило, с помощью продуктивных суффиксов (здесь и далее: Цивильская 2004):

1) owa(ć): drukować się (печалиться), chorować (болеть);

2) e(ć): nienawidzieć (ненавидеть), głupieć (глупеть);

3) –i(ć)/-y(ć) -ciemnić się (темнеть)

Суффиксы -na(ć) (słabnąć слабеть), -a(ć) (najeżać się топорщиться) являются непродуктивными.

При префиксально-суффиксальном словообразовании глаголов обычно используются префиксы do-, na-, nad(e)-, o-, od(e)-, po-, przed(e)-, przy, u-, w(e)-, wy-, z(e)-, za- в сочетании с парными видовыми суффиксами -i(ć)/-y(ć) (совершенный вид) и -a(ć) (несовершенный вид).

Основным способом внутриглагольного видового словопроизводства является префиксация - do-, od(e)-, prze-, na-, o-, przed(e)-, z(e)-, za-, po-.

Итак, мы видим, что системы глагольного словообразования русского и польского языков довольно схожи. Однако в работах инофонов мы встречаем следующие ответы:

(40) Мы с друзьями уговорились пойти в кино. (Польск. гл. -umawiać się)

(41) Если купите этот телефон, вы не пожалеете. Гарантую! (Польск. гл. – garantować)

(42) Не прашивай меня, что было вчера. (Польск. гл. – nie pytaj)

Таким образом, мы видим, что большинство ошибок такого рода зависит от того, как образуется тот или иной глагол СВ или НСВ в польском языке. Вид в русском языке при этом не меняется.

Но есть и ошибки, влияющие на оттенки значений. Например:

(43) Первое, что растет летом на огороде, бывает всегда сорняком.

Мы уже приводили в пример данный контекст, когда говорили об итеративном значении глагола, но в том случае был использован глагол СВ, вместо НСВ. Здесь же форма НСВ сохраняется, но при этом утрачивается хабитуальное значение НСВ и приобретает обобщенно-фактическое значение, не совсем уместное для данного контекста.

В работах носителей чешского языка, в целом, наблюдается такая же картина, поэтому мы не будем на них подробно останавливаться.

2.2.8 Особенности образования форм действительного причастия прошедшего времени

В отдельную группу мы вынесли ошибки, связанные с употреблением причастий именно в письменной речи. Этот тип ошибок отличается от остальных тем, что как такового нарушения в выборе аспектуальной формы в данном случае не наблюдается, однако некорректное образование формы причастия частично связано с тем, что в польском языке в данном контексте причастия образуются от глаголов вида, отличного от русского языка. При этом, несмотря на то, что данная группа вынесена в конец, стоит отметить, что использование некоторых форм причастий вызвало затруднения у большинства информантов, выполнявших письменное задание. При переводе с польского языка на русский некоторые студенты вообще пропускали причастие, а почти все остальные, кто все же справился с их переводом, ошиблись в форме причастия.

Связано это с тем, что в польской грамматической системе, в отличие от русской, функционируют только две формы причастий: действительное причастие настоящего времени и страдательное причастие прошедшего времени. Таким образом, данные формы причастий априори неведомы для носителей польского языка, что может вызвать многочисленные затруднения при образовании и употреблении. «Действительные причастия прошедшего времени и страдательные причастия настоящего времени в польском языке мотивируются глаголами другого вида, например, *czytany* (от *czytać*, несом.

вид) - читаемый, przeczytany (от przeczytać, сов. вид.) - читанный, прочитанный и т.д.» (Фёдорова 2008: 162).

В собранном нами материале самой частотой ошибкой, вызванной данной различительной особенностью, стал некорректный перевод (в разных его вариациях) действительного причастия прошедшего времени «склонившаяся» в следующем предложении:

(44) *В конце перед странниками растёт поклонённая над дорогой берёза.*

(45) *В конце перед путешественниками выращивает поклонённа над дорогой берёза.*

(46) *В конце перед странниками растёт наклонённая над дорогой берёза.*

Также стоит отметить, что в материале, собранном среди носителей чешского языка также были выявлены особенности, связанные с переводом действительных причастий прошедшего времени. Несмотря на то, что в чешском языке, в отличие от польского, такие формы причастий существуют, «чешские причастия на -vší образуются только от глаголов совершенного вида» (Изотов 2011: 121) и используются крайне редко. В связи с эти такие причастия многие чешские информанты, как и польские студенты, перевели как страдательные причастия прошедшего времени.

(47) *Вдруг перед пассажирами поднимается берёзка, согнутая через дорогу.*

2.2.9 Конструкция типа «буду + гл. НСВ прошедшего времени»

Несколько иная классификация выстраивается при анализе ошибок в устной речи носителей польского языка. Большинство некорректных употреблений аспектуально-темпоральных форм глагола в рамках данного вида речевой деятельности возникало в процессе спонтанных диалогов. Пересказ текста стал источником гораздо меньшего числа ошибок по причинам, уже обозначенным нами в начале главы. Здесь мы рассмотрим

конкретный тип ошибки, превалирующий в устной речи носителей польского языка.

Данный тип ошибки связан с образованием аналитической формы будущего времени глагола. В польском языке существуют два способа образования этих форм глаголов:

- форму будущего сложного I составляет глагол быть (być) в форме будущего времени + инфинитив (bezokolicznik), что схоже с аналитической формой будущего времени в русском языке;

- форму будущего сложного II составляет глагол быть (być) в форме будущего времени + глагол несовершенного вида в третьем лице (единственного или множественного числа) прошедшего времени (т.е. глагольная форма с суффиксом -ł/-ły).

При этом «невозможны в польском языке конструкции из форм глагола być в простом будущем времени и инфинитива глагола СВ, типа: *będę napisać, *będę napisać» (Liliana Madelska 2012: 84).

В принципе, нет разницы в употреблении этих конструкций, однако в разговорной речи поляков чаще можно услышать второй вариант, который нам кажется странным, поскольку в одной форме глагола как бы уместается и прошедшее, и будущее время. Кроме того, в некоторых случаях в польском языке можно употребить исключительно форму будущего сложного времени II. Так, «в случае модальных глаголов и других глаголов, требующих при себе употребления инфинитива (напр., фазовые глаголы) мы не имеем свободы выбора – обязательно употребление форм II вари- II варианта (чтобы избежать употребления двух инфинитивов подряд). Поэтому мы скажем: będę musiała (а не *będę musieć...), będę próbowała za/dzwonić (а не: *będę próbować za/dzwonić)» (там же: 84).

Данная особенность четко проявляется в устной русской речи носителей польского. В подтверждение этому приведем несколько встретившихся нам примеров:

(48) *И я думаю, чаще всего он будет говорить. Я буду слушал – он будет только говорить.*

(49) *Они долго не виделись и не ожидали, что они будут могли встретиться.*

2.2.10 Ошибки, встретившиеся в минимальном количестве

Некоторые ошибки, находящие объяснение в аспектуальной системе родных языков информантов, встретились нам лишь несколько раз, в связи с чем мы не стали выносить их в отдельные группы. Возможно, данные контексты, действительно, не вызывают особых затруднений у носителей польского и чешского языков. Также возможно, что такой результат обусловлен недостаточным количеством соответствующих контекстов в заданиях, поэтому оставить их совсем без внимания мы тоже не можем.

Итак, одна из наиболее распространенных ошибок, почти претендующая на статус отдельной группы, связана с тем, что в польском языке первичные имперфективы не могут замещать глаголы СВ в контекстах, в которых в русском языке преобладает НСВ. Например, в вопросах с "когда-нибудь". Если в РЯ в таком случае обязательно употребление НСВ с ОФ предельным значением (*Ты когда-нибудь думал об этом?*), то в польском, наоборот, будут преобладать формы СВ, особенно если речь идёт о единичном действии в прошлом:

(50) *Мы с Вами когда-нибудь встретились? (Польск.)*

Кроме того, в работах информантов-поляков возникло несколько ошибок в контексте перечисления действий:

(51) *Меня всегда неожиданно вызывают на работу. В прошлом году во время отпуска я приехал в родной город. Но уже через три дня я собирал вещи, звонил в такси, прощался с родными и уехал в аэропорт, потому что меня вызвали на работу. (Польск.)*

Данная ошибка вероятнее всего связана с тем, что имперфект в польском языке может выражать последовательность действий, в то время как в русском языке эту задачу выполняет, как правило, перфект.

Следующий тип ошибки – образование перформативов. Перформативные конструкции в польском языке иногда допускают использование перфекта, что не является характерным для русского языка. Отсюда у некоторых студентов вызвал трудности выбор между СВ и НСВ глаголов в таких конструкциях. В чешском же языке перфектные перформативные конструкции являются нормой, поэтому не удивительно, что в русскоязычной речи чехов также могут возникнуть такие ошибки:

(52) *Я вижу Вас впервые! Поклянусь!*

(53) *Пообещаю!* – ответил дядя Ваня.

Однако в речи носителей польского языка такой тип ошибки встречается очень редко. Кроме того, нельзя исключать возможность того, что эти случаи связаны не с семантикой вида, а с тем, что студенты ошибочно образуют формы настоящего времени от более привычных им форм СВ.

Последний тип ошибки, который был выделен нами в письменных работах чехов – использование глагола в аналитической форме будущего времени с ОФ предельным значением, вместо глагола СВ с потенциальным значением, в следующем контексте:

Я буду помнить, откуда я знаю твое лицо.

Можно предположить, что эту ошибку опять же вызвала межъязыковая интерференция. Дело в том, что в чешском языке глагол *вспомнить* (*ramatovat*) является глаголом НСВ. При этом «в чешском языке, как и в русском, от глаголов несовершенного вида образуется будущее время сложное, которое состоит из форм будущего времени глагола *být* (*budu, budeš, bude, budeme, budete, budou*) и инфинитива смыслового глагола» (Широкова 1988: 71).

2.3 Выводы

Таким образом, анализ собранного материала позволил нам разработать не просто классификацию ошибок в употреблении видо-временных форм русского языка носителями польского и чешского языков, а выявить контексты, вызывающие наибольшие затруднения при репрезентации семантики глагольного вида:

1. контекст однократного действия;
2. контекст отрицания;
3. контекст континуального действия;
4. контекст многократного действия;
5. контекст настоящего исторического.

Внутри этих контекстов были выделены отдельные типы ошибок и предприняты попытки их интерпретации. Так, например, большая часть ошибок в контексте однократного действия связана в первую очередь не с явлением переноса особенностей грамматических систем других славянских языков на русский язык, а с возможностями иной интерпретации семантики глагольного вида в том или ином контексте иностранными студентами. При этом каждый из таких контекстов следует рассматривать индивидуально. Исключение составили ошибки, связанные с использованием глаголов с реверсивным типом ОФ значения (н.: *Пока тебя не было, к тебе пришел друг, но не стал тебя дожидаться*), а также ошибки, обусловленные использованием глаголов СВ для обозначения обратимых действий (н.: *Почему ты жалуешься, что мы мало общаемся? Я недавно только тебе позвонил*). В рамках контекста однократного действия оказалось возможным обобщить данные типы ошибок и объяснить их явлением трансфера.

Наиболее подверженным переносу особенностей употребления видовых форм из родных языков информантов оказался контекст, содержащий отрицание. Корень проблемы здесь тоже кроется в особой репрезентации этих форм носителями польского и чешского языков. Кроме того, контекст с отрицанием был отмечен нами как контекст, процесс

освоения которого протекает почти идентично у обеих групп информантов, что вызывает одни и те же ошибки в их речи на русском языке (н.: *Говоришь, что мы никогда не встретились?*).

Особый интерес представляют контексты континуального и многократного действия. В них нам удалось четко выделить несколько подтипов. Так, например, при использовании глаголов процессуального характера носители других славянских языков, как правило, допускают ошибки в использовании глаголов с делимитативным префиксом *по-* (н.: *Завтра у меня выходной, поэтому я проснусь поздно, съем, погуляю, почитаю, а потом снова лягу спать*), с ингрессивным начинательным префиксом *за-* (н.: *В зале была тишина. Вдруг один мужчина очень громко запел, и все посмотрели на него*), а также в контекстах с первичными имперфективами (н.: *Когда-то я подумал, что буду президентом*). Ошибки же в использовании глаголов, обозначающих повторяющееся действие, как правило, связаны с репрезентацией неограниченно-кратного значения, в том числе его хабитуальной (н.: *Она такая неловкая, что часто что-нибудь разобьет*) и потенциальной (н.: *Первое, что выросло летом на огороде, бывает всегда сорняком*) разновидностей.

Кроме того, нами были выделены 3 группы, в рамках которых как таковых ошибок в выборе аспектуальных форм, как правило, не обнаруживается, однако наблюдается разница в использовании глагольных форм по сравнению с их функционированием в речи русскоязычного человека, за счет чего в отдельных примерах прослеживаются особые подходы иноязычных говорящих к интерпретации глагольного вида. Это ошибки, связанные с повествованием в настоящем историческом, с глагольным словообразованием и с употреблением действительных причастий прошедшего времени.

В отдельную группу была вынесена ошибка типа «*буду хотела*», превалирующая в устной речи носителей польского языка и связанная с

особенностями функционирования форм будущего времени в их родном языке.

И, наконец, последнюю группу составили немногочисленные, но представляющие не меньший интерес с точки зрения интерпретации причин их возникновения, типы ошибок. Сюда мы отнесли ошибки, связанные с:

1) невозможностью употребления первичных имперфективов на месте глаголов СВ в определенных контекстах в польском языке (н.: *Мы с Вами когда-нибудь встретились?*);

2) контекстом, передающим последовательность действия (...я собирал вещи, звонил в такси, прощался с родными и уехал в аэропорт, потому что меня вызвали на работу);

3) образованием перформативных конструкций (н.: *Я вижу Вас впервые! Поклянусь!*);

4) использованием глагола в аналитической форме будущего времени с ОФ предельным значением, вместо глагола СВ с потенциальным значением (н.: *Я буду помнить, откуда я знаю твое лицо*).

Общие наблюдения также показали, что в процессе продуцирования речи на русском языке носители польского и чешского языков допускают видо-временные несоответствия в рамках одного предложения/контекста, испытывают трудности в переводе перформативных форм, а также зачастую при переводе на русский язык меняют видовые формы глаголов исходного текста (на родном языке информантов) на противоположные формы. Это подчеркивает разницу в аспектуальных системах исследуемых славянских языков и подтверждает возможность возникновения ошибок на фоне отнесенности того или иного глагола в родном языке к определенному виду. Например, если глагол 'казаться' – 'wydawać się' в польском языке осознается как глагол НСВ, то и при его переводе на русский язык почти все информанты использовали глагол НСВ: *Его лицо казалось ему знакомым*. И только 3 информанта перевели соответственно контексту: *Его лицо показалось ему знакомым*.

В целом, мы пришли к выводу, что причиной возникновения ошибок в речи информантов с родными польским и чешским языком заключаются далеко не только в интерференции правил. Ошибки могут быть вызваны и причиной, названной выше, и недостаточной компетенцией говорящих, и особенностями интерпретации видовых форм в отдельных контекстах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование было посвящено видовым различиям в русской речи носителей польского и чешского языков.

1. На первом этапе была освоена необходимая для исследования теоретическая база, изучены и обобщены основные проблемы и положения аспектологии славянских языков, включающие такие дискуссионные вопросы, как конкуренция и нейтрализация видов, частные видовые значения, СГД, биаспективы.

2. Также на основе анализа теоретического материала были определены потенциально опасные контексты, вызывающие ошибки при освоении иностранными учащимися темы видообразования русского глагола.

Так, было выдвинуто предположение, что общие затруднения в отношении использования форм вида у польских и чешских студентов могут вызывать контексты с отрицанием, с многократным действием, первичной и вторичной имперфективацией, а также повествование в настоящем историческом.

3. Нами были разработаны задания, на основе которых собран материал устной и письменной речи носителей польского и чешского языков. На основе полученного материала выявлены все случаи возникновения ошибок аспектуально-темпорального характера при употреблении глаголов в русском языке.

4. Методом сплошной выборки в собранном материале было выявлено 298 ошибок в письменной и 31 ошибка в устной речи при образовании видо-временных форм глаголов студентами-носителями польского языка, а также 270 ошибок в письменной речи и 19 ошибок в устной речи носителей чешского языка. В ходе анализа контекстов, содержащих ошибки, нами была разработана их классификация. Большое количество ошибок в контексте однократного действия (н.: *Пешеход вдыхал воздух, чтобы ответить*) оказалось неожиданным результатом, так как его общая видовая семантика схожа во всех исследуемых славянских языках. С другой стороны, это

подтвердило наше предположение о том, что не все различия в аспектуальных системах этих языков можно объяснить формальными правилами.

Кроме того, наибольшее количество схожих отклонений от нормы русского языка у обеих групп информантов вызвали контексты с отрицанием (н.: *Мы с вами никогда не встретились*), континуальным (н.: *Завтра у меня выходной, поэтому я пробужусь поздно, ем, гуляю, буду читать, а потом снова лягу спать*) и повторяющимся (н.: *Первое, что выросло летом на огороде, бывает всегда сорняком*) действием.

Также было выявлено, что носители чешского языка могут допускать больше ошибок, которых могут избежать носители польского языка. Например, чертой чешской аспектуальной системы является отсутствие ингрессивного префикса *za-* и делимитативного префикса *po-*, а также отсутствие реверсивного типа ОФ значения НСВ. В то же время носители польского языка отличились частотностью особого типа ошибки в устной речи, а именно конструкции «глагол *быть* (*być*) в форме будущего времени + глагол несовершенного вида в третьем лице (единственного или множественного числа) прошедшего времени» (н.: *Они долго не виделись и не ожидали, что они будут могли встретиться*).

Конкретно-фактическое, общефактическое аннулированного результата, экспериментивное общефактическое и общефактическое предельное значения были определены как значения, в которых чаще всего носители чешского и польского допускают ошибки.

5. Анализ причин возникновения ошибок позволил нам сделать вывод, что большúю их часть в материалах обеих групп информантов можно объяснить явлением трансфера (межъязыковой интерференции). Однако отмечено, что ошибки в речи чешских студентов чаще обусловлены грамматической системой их родного языка, в то время как носители польского языка чаще чехов допускают ошибки, связанные с издержками перевода или отнесением того или иного глагола в родном языке к

определенному виду. Некоторые ошибки в речи информантов оказались обусловлены дефицитом ресурсов. Также немалое количество ошибок связано с отличной от привычной носителям русского языка репрезентации семантики вида в некоторых контекстах.

Последний вывод позволяет нам сделать предположение о том, что в ходе обучения носителей других славянских языков русскому глагольному виду и коррекции их ошибок надо учитывать не только интерференцию формальных правил, но и интерференцию «употреблений». То есть необходимо отталкиваться от определенных контекстов и реализации в них семантики русского глагольного вида, способствуя паттерному усвоению языка. Данное заключение перекликается с теорией М. Томаселло (*usage-based theory*), согласно которой у людей есть врождённый механизм, позволяющий изучить язык, основываясь на статическом анализе. Эти способности включают в себя: возможность понимать намерения говорящего, способности к схематизации и аналогии, возможность переходить от конкретных конструкций к более абстрактным. Такой подход учитывает и психологические особенности обучения, а потому может оказаться более эффективным, чем прямое применение правил.

Таким образом, выделенные в результате исследования основные типы ошибок, их частотность и причины возникновения в речи позволяют определить наиболее трудные для изучения носителями польского и чешского языков контексты употребления русского глагольного вида. Также в ходе исследования подтвердилась наша гипотеза о том, что при употреблении аспектуально-темпоральных форм глаголов носители польского языка допускают меньше ошибок, чем носители чешского языка, при этом процент ошибок, обусловленных межъязыковой интерференцией, в их речи также меньше.

Результаты настоящего исследования можно использовать для совершенствования методологии преподавания данной грамматической категории носителям других славянских языков, составления учебных

пособий, а также в курсах описательной и сравнительной грамматики современного русского языка.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Справочная литература

1. 27. Обухова Е. С. Чешский язык. Справочник по грамматике. – М.: Живой язык. 2020. – 244с.
2. Цивильская Е. Ю. Польский язык. Справочник по грамматике. - Ц57 // М.: Живой язык, 2009. - 224 с.

Научная и учебная литература

3. Ананьева Н.Е. Функционирование форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в польском языке (в сопоставлении с русским) // Исследования по глаголу в славянских языках. Типология и сопоставление. – Варшава, 1993
4. Аркадьев П.М. Заметки к типологии перфектива // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. – М., 2007. С. 17-30.
5. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). – М., Просвещение, 1971. 239 с.
6. Бондарко А. В. Многочленные видовые корреляции при имперфективации приставочных глаголов в современном чешском языке // Исследования по чешскому языку: вопросы словообразования и грамматики / Сб-к под ред. А. Г. Широковой. – М., 1963. – С. 3-31.
7. Бондарко А.В. Проблемы инвариантности/вариативности и маркированности/немаркированности в сфере аспектологии. – В кн.: Типология вида: проблемы, поиски, решения: Материалы Международной научной конференции, 16-19 сентября 1997 г., МГУ им. М.В.Ломоносова/ Отв. ред. М.Ю.Черткова. – М.: Языки русской культуры, 1998. 528 с. – с.64-79.
8. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол: Пособие для студентов и учителей. / Под ред. Ю.С.Маслова. – Л., 1967. 190 с.

9. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики, полнее изложенная. – Санкт-Петербург: изданием Имп. Рос. акад. с изд., напеч. в тип. И. Глазунова, 1831 – 408 с.
10. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. – М., Наука, 1982. 156 с.
11. Горбова Е. В., Чуйкова О. Ю. Способы действия русского глагола и вторичная имперфективация (на примере приставочных групп глаголов на по-, про-, у-) // Взаимодействие аспекта со смежными категориями / VII ММК Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. – СПб., 2020. – С. 136-148.
12. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 506 с.
13. Иванчев С. Т. Проблемы аспектуальности в славянских языках. София, 1971. 262 с.
14. Изотов А.И. Материалы к «Чешской грамматике» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2011 – Вып. 42 – С. 85-144.
15. Князев Ю. П. Русский вид и сфера действия отрицания // ММК Глагольный вид: грамматическое значение и контекст III Конференция Комиссии по Аспектологии Международного Комитета Славистов – 2011. С. 44-45.
16. Копечный Ф. Из книги «Основы чешского синтаксиса» // Вопросы глагольного вида. Сб-к под ред. Ю. С. Маслова. – М., Издательство иностранной литературы, 1962. С. 197-210.
17. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. Сб-к под ред. Ю. С. Маслова. – М., Издательство иностранной литературы, 1962. С. 105-167.
18. Климонов В. Д. Семантика и прагматика видо-временных форм русского глагола // Взаимодействие аспекта со смежными категориями / VII ММК

Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. – СПб., 2020. – С. 177-184.

19. Kjul'moja I.P., Šeljakin M.A. Влияние видовых форм на значения общеотрицательных высказываний // ММК Глагольный вид: грамматическое значение и контекст III Конференция Комиссии по Аспектологии Международного Комитета Славистов – 2011. С. 72-73.

20. Лазинский М. Видовые пары в польских и других славянских словарях // Взаимодействие аспекта со смежными категориями / VII ММК Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. – СПб., 2020. – С. 196-205.

21. Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в зарубежном языкознании. // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С.3-19.

22. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). // В кн.: Вопросы современного болгарского литературного языка. М., 1959.

23. Маслов Ю.С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1963. 183 с.

24. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян. М: Языки славянской культуры, 2004. 840с.

25. Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. // В сб.: “Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1963)”. М., 1963.

26. Милославский И.Г. Вид русского глагола как словообразовательная категория. // Филологические науки, 1989. - №6. – С.65-72.

27. Милославский И.Г. Теоретические основания осмысления глагольных видов изучающими русский язык как неродной. // Русский язык за рубежом, 2014, №2. – С.48-58.

28. Милякович М. О функционировании нестандартных двувидовых и парных по виду глагольных лексем в интернет-общении (на материале сербского, русского и польского языков) // Взаимодействие аспекта со смежными категориями / VII ММК Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. – СПб., 2020. – С. 244-252.
29. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке / И. П. Мучник – М.: Наука, 1971. 297 с.
30. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-ое изд., испр. и дополн. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
31. Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000. 256 с.
32. Петрухина Е.В. Русский глагол: категория вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). Учебное пособие. М., 2009. 221 с.
33. Петрухина Е.В. Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков) // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998. С.356-364.
34. Петрухина Е. В. Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках // Вестник Московского университета, 2013, сер. 9, №4. – С. 48-69.
35. Петрухина Е. В. Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения грамматических категорий вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М. 1983.
36. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. – Харьков: изд. М. В. Потебни, 1905. – 652 с.

37. Пчелинцева Е. Э. Польское отглагольное имя действия и семантика начинательности // Сибирский филологический журнал, 2016, №3. – С.253 – 262.
38. Рассудова О.П. Виды глагола на начальном этапе. // Русский язык за рубежом, 1975, №4. – С.48-52.
39. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. 149 с.
40. Ройзензон Л. И. Глаголы с вторичной приставкой ро- в современном чешском языке // Исследования по чешскому языку: вопросы словообразования и грамматики / Сб-к под ред. А. Г. Широковой. – М., 1963. –С. 32-60.
41. Русская грамматика. Том 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.
42. Соболева В. Преподавание глагольного вида в русском языке: проблемы и решения // Russian Language Journal, Vol. 61, 2011. - С. 163-202.
43. Стрекалова З. Н. Морфология глагольного вида в современном польском литературном языке. М.: Наука, 1979. 264 с.
44. Уржа А. В. Реализация значения итеративности в оригинальном и переводном текстах: семантико-функциональный аспект // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике. - НАУКА-ЮНИПРЕСС Воронеж, 2016. - С. 482-493.
45. Фёдорова К. В. Ошибки при освоении глагольных единиц русского языка поляками и сербами (взаимоотношение глагольных систем) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 161-164.
46. Храковский В. С. Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме // Русский язык в научном освещении. - М., 2002. № 2(4). С. 91-101.

47. Широкова А. Г. О категории многократности в чешском языке // Исследования по чешскому языку: вопросы словообразования и грамматики / Сб-к под ред. А. Г. Широковой. – М., 1963. – С. 61-85.
48. Широкова А. Г. Чешский язык: Учебник для I и II курсов: Для студентов филол. спец. Вузов / А.Г.Широкова, П. Адамец, И. Влчек, Е. Р. Роговская. — 2-е изд. испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1988 - 544 с.
49. Bybee J.L., Dahl Ö. (1989). The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language*, 13/1, 51-103.
50. Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago, 1994.
51. Cutrer M. L. Time and tense in narrative and everyday language. Ph.D. dissertation. – University of California, San Diego, 1994.
52. Dickey S.M. (2000). *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*. Stanford (CA): CSLI Publications.
53. Do ĩnyei Z., Kormos J. problem-solving mechanisms in L2 communication // *The United States of America*. 1997. *SSLA*. 20. – P. 349–385.
54. Havránek Bohuslav, Jedlička Alois *Stručná mluvnice česká* / Bohuslav Havránek, Alois Jedlička. - Praha : Fortuna, 1996. - 246 с.
55. Liliana Madelska *Практическая грамматика польского языка*. – Краков, 2012. 455 с.
56. Péter Párnovics *Итеративность и выражение повторяемости в прошлом в русском, украинском и польском языках* // *Studia Russica* – Budapest, 1999, XVII. – P. 82-87.
57. Stunová A. A contrastive study of Russian and Czech aspect: invariance vs. discourse. Doctoral dissertation. Amsterdam: Amsterdam Univ., 1993. – 215 p.
58. Tomasello M. *Constructing a language: a usage-based theory of language acquisition*. Cambridge MA: Harvard University Press, 2003. – P. 388.

Электронные ресурсы

59. Аркадьев П. М. Вид в русском и некоторых других языках [Электронный ресурс]. URL: http://www.lingling.ru/sschool/book_2009_2011/Arkadjev_2010.pdf. (дата обращения: 1.06.2020)
60. Гусев В. Ю. Отрицание, несовершенный вид, обязанности и свободная воля в русском языке [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/%D0%B4%D0%B0%D1%88%D0%B0/Downloads/52761840.pdf> (дата обращения: 12.04.2021)
61. Петрухина Е. В. Дискуссионные вопросы изучения русского глагольного вида [Электронный ресурс]. URL: http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/petrukhina-ev_8_diskussionnie_voprosi_gladr.pdf (дата обращения: 12.05.2020)
62. Петрухина Е. В. Сближение и пересечение классов глаголов совершенного и несовершенного видов в славянских языках [Электронный ресурс]. URL: https://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/petrukhina-ev_6sblijzenie_i_peresechenie_klassov_glagolov.pdf (дата обращения: 20.12.2020)